

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «КАЯНКИН (КАУАНКИН) ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ»

(Жалоба № 24427/02)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СУДА

СТРАСБУРГ

11 февраля 2010 г.

Данное Постановление становится окончательным при соблюдении условий п. 2 ст. 44 Конвенции. Текст Постановления может быть дополнительно отредактирован.

В деле «Каянкин против Российской Федерации»,

Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) (Первая секция), заседая Палатой на совещании за закрытыми дверями 21 января 2010 г. в составе:

Х. Розакиса, Председателя Палаты,

Н. Ваич,

А. Ковлера,

Х. Гаджиев,

Д. Шпильманна,

Г. Малинверни,

Д. Николау, судей,

а также при участии С. Нильсена, Секретаря Секции Суда, принял следующее Постановление указанного выше числа:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№ 24427/02), поданной 14 мая 2002 г. в Европейский Суд против Российской Федерации в соответствии со статьей 34 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция») гражданином Российской Федерации Александром Сергеевичем Каянкиным (далее – «заявитель»).

2. Интересы заявителя, которому была оказана правовая помощь, представляют адвокаты Правозащитного центра «Мемориал». Власти Российской Федерации (далее – «Власти») были представлены в Европейском Суде П. Лаптевым и В. Милнчук, бывшими Уполномоченными Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявитель утверждает, в частности, что он подвергся жестокому и бесчеловечному обращению в результате призыва в армию в крайне тяжелом состоянии здоровья, а также ссылается на факт избияния офицером и сослуживцами в период несения военной службы, и на то, что не было проведено эффективного расследования инцидентов, а судебный процесс, возбужденный заявителем по факту правонарушения, был чрезмерно затянут.

4. 1 марта 2006 г. Председатель Первой секции принял решение уведомить Власти о жалобе. Было также принято решение рассмотреть жалобу по существу одновременно с решением вопроса о ее приемлемости (п. 3 ст. 29 Конвенции).

ФАКТЫ

1. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель, 1980 г. рождения, проживает в деревне Сосново Ленинградской области.

6. Как следует из копии медицинской книжки заявителя, представленной им Европейскому Суду, в 1987 г. он неоднократно обращался в больницу деревни Сосново с жалобой на головные боли. 16 ноября 1987 г. ему был поставлен диагноз «гипертония». Диагноз был зафиксирован в его истории болезни.

А. Военная служба заявителя и состояние его здоровья

7. В 1996 г. военкомат Приозерского района поставил заявителя на учет в целях прохождения обязательной военной службы.

8. 12 февраля 1997 г. Военно-врачебная комиссия Приозерского района в составе хирурга, терапевта, невропатолога, психиатра, окулиста, стоматолога, дерматолога и отоларинголога осмотрела заявителя в целях предварительной оценки состояния его здоровья для определения его годности к военной службе. Комиссия поставила заявителю диагноз «гипотрофия неизвестного происхождения» и присвоила ему по медицинской шкале годности к службе категорию «Д», то есть «временно не годен». Диагноз был поставлен на основании диспропорции между ростом заявителя 167 сантиметров и его весом 50 килограмм. Комиссия пришла к заключению, что в связи с диагнозом гипотрофии заявителю требуется дополнительное медицинское обследование эндокринолога. Призыв заявителя был отсрочен на шесть месяцев по медицинским показаниям.

9. По утверждению заявителя, комиссия не выдала ему медицинского свидетельства или каких-либо иных медицинских документов – направлений в определенное государственное медицинское учреждение для дальнейшего медицинского обследования, осмотра и, при необходимости, лечения, как того требует Инструкция о порядке проведения военно-врачебной экспертизы в Вооруженных силах Российской Федерации, утвержденная 22 сентября 1995 Приказом № 315 Министерства обороны Российской Федерации, которая действовала в соответствующий период времени. Тем не менее, как следует из представленной Европейскому Суду истории болезни заявителя, 18 февраля 1997 г. он был обследован эндокринологом, который отметил диспропорцию между весом и ростом заявителя, однако посчитал, что состояние его здоровья было удовлетворительным. При

этом эндокринолог диагностировал у заявителя диффузное расширение щитовидной железы первой степени, связанное с половым созреванием.

10. В октябре 1998 г. заявитель был вновь осмотрен военной медицинской комиссией, и признан «годным для военной службы». Из отчета комиссии следовало, что жалоб на состояние своего здоровья от заявителя не поступало. Призыв заявителя был назначен на апрель 1999 г.

11. Никаких дополнительных медицинских осмотров заявителя не производилось до апреля 1999 г., когда он был повторно осмотрен военно-медицинской комиссией. Комиссия пришла к заключению, что заявитель годен к военной службе без ограничений. Как следует из представленного в Европейский Суд личного дела призывника – заявителя, при его росте 175 сантиметров и весе 63 килограмма диагноз «гипотрофия» более не подтверждался. Заявитель подписал медицинское заключение в подтверждение того, что жалоб на состояние здоровья не имеет.

12. 3 июня 1999 г. заявитель был призван в армию. Он был направлен в воинскую часть № 22336 (г. Волгоград). Заявитель утверждал, что в данной части его неоднократно избивали и притесняли старшие призывники. По его утверждению, они заставляли его и других молодых призывников спать на улице ночью и отнимали у них пищу. По словам заявителя, 5 сентября 1999 г. начальник штаба капитан Ч. в присутствии солдата А. пять раз ударил заявителя по голове гильзой от пушечного снаряда. 17 октября 1999 г., по словам заявителя, заявитель был избит группой старших призывников.

13. 25 октября 1999 г. в воинскую часть приехала мать заявителя. Тот рассказал ей о побоях.

14. Двумя днями позже заявитель без разрешения покинул часть и выехал со своей матерью в г. Санкт-Петербург.

15. В Санкт-Петербурге заявитель был осмотрен в Научно-исследовательском Психоневрологическом Институте им. В. М. Бехтерева. Были проведены магнитно-резонансная томография, транскраниальное доплерография, а также ультразвуковое исследование черепа заявителя. Он был также осмотрен окулистом, психологом и неврологом. 8 ноября 1999 г. Институт выдал заявителю консультативное заключение, в соответствующей части которого указывалось:

«Заявитель жаловался на головные боли, головокружение, утомляемость, раздражительность, ослабление слуха на правое ухо, а также на сомнилоквию.

Он страдает головными болями с девяти лет; головные боли носят пронзающий, сдавливающий характер; головная боль начинается утром с ощущения, как будто кто-то давит на глаза; головная боль становится сильнее

4 ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «КАЯНКИН ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

при умственной или физической нагрузке; сопровождается светобоязнью, ухудшением работоспособности, а также быстрой утомляемостью.

История болезни (по сведениям матери заявителя, а также согласно его медицинской карте):

...

Заявитель был активным ребенком; он часто падал, ударялся головой. В возрасте четырех месяцев он упал с полки, ударился головой; потерял сознание. Несколько раз сильно ударялся головой, катаясь на коньках. В возрасте девяти лет он очень сильно ударился лбом, был наложен шов. В 12 лет он случайно получил удар молотком по голове.

...

Диагноз: органическое поражение мозга – результат черепно-мозговых травм, перенесенных заявителем, нейроинфекции, перинатальное заболевание – церебральный арахноидит с явно выраженным гипертензивным синдромом, церебральная ангиодистония, эпилептиформные пароксизмы ..., билатеральные пирамидальные признаки, психоорганический и астенопсихический синдром. Остеоходропатия коленных суставов.

Рекомендовано: наблюдение у невропатолога и психоневролога ...
Ограничение физической активности. Помещение в военный госпиталь.»

16. 12 ноября 1999 г. заявитель обратился в Санкт-Петербургскую военную прокуратуру с жалобой на то, что его призыв был незаконным и что при прохождении военной службы с ним обращались ненадлежащим образом. 15 ноября 1999 г. по рекомендации прокуратуры его поместили в неврологическое отделение военного госпиталя, где он находился до 9 декабря 1999 г.

17. 7 декабря 1999 г. заявитель был осмотрен Военно-врачебной комиссией Окружного военного клинического госпиталя № 442. Согласно медицинскому заключению Комиссии, заявителю был поставлен диагноз «долговременные последствия нейроинфекции в форме внешней гидроцефалии с диссеминированными неврологическими признаками и псевдоневрастеническим синдромом; S-образный сколиоз 1 степени грудноспинного отдела с грыжей Шморля в телах позвонков с 4 по 9, переходного пояснично-крестцового позвонка, неполное смыкание 2, 3 и 4 позвоночных дуг позвоночного столба, хронический тонзиллит». Заключение свидетельствовало о том, что заболевание возникло при прохождении заявителем военной службы, а также о том, что он был «ограниченно годен к военной службе».

18. 25 января 2000 г. заявитель был освобожден от военной службы в связи с болезнью.

19. 15 декабря 2000 г. медико-экспертная комиссия Санкт-Петербурга выдала заявителю медицинское заключение,

подтверждающее, что в результате болезни он получил третью степень инвалидности.

В. Гражданское судопроизводство

20. 19 января 2000 г. заявитель подал в Приозерский городской суд иск против Призывной комиссии Приозерского района, а также к военкоматам Приозерского района и Ленинградской области, с требованием возмещения вреда. Он также просил городской суд отменить решение Приозерского военкомата от 3 июня 1999 г. как незаконное, поскольку он не должен был быть призван на военную службу по причине того, что был тяжело болен.

21. 24 января 2000 г. дело было передано судье К.

22. 4 октября 2000 г. судья К. вынесла решение о принятии дела к рассмотрению по существу и назначила первое слушание по делу на 1 декабря 2000 г. В тот же день она также направила письмо ответчикам с запросом о предоставлении личного дела призывника – заявителя.

23. Заседание 1 декабря 2000 г. было отложено по причине того, что заявитель желал ознакомиться с материалами дела и нанять адвоката.

24. Как следует из заявлений властей, следующее заседание, которое состоялось 26 сентября 2001 г., было отложено после того, как представитель заявителя подал в городской суд ходатайство о предоставлении дополнительных доказательств, которое было удовлетворено.

25. Следующее заседание, назначенное на 8 октября 2001 г., было отложено по просьбе Приозерского райвоенкомата ввиду невозможности явки его представителя.

26. 17 октября 2001 г. городской суд по ходатайству заявителя направил ряду органов военного управления и медицинских органов запросы о предоставлении дополнительных доказательств. Последний ответ, полученный городским судом 4 декабря 2001 г., был из больницы деревни Сосново. Больница сообщила суду, что предоставить выписку из журнала больницы, подтверждающую, что медицинская карта заявителя была направлена военно-врачебной комиссии для изучения при рассмотрении вопроса о годности заявителя к военной службе, не представляется возможным. При этом больница сообщила, что направление медицинских карт потенциальных призывников в военно-врачебную комиссию является стандартной процедурой.

27. Следующее слушание, назначенное на 16 января 2002 г., было отложено ввиду неявки ответчиков. Городской суд также предоставил

представителю заявителя дополнительное время для подготовки письменных вопросов медицинскому эксперту.

28. 21 января 2002 г. городской суд направил повторные запросы о предоставлении доказательств ряду органов военного управления, которые не ответили на письма от 17 октября 2001 г.

29. 18 февраля 2002 г. городской суд в ответ на свой запрос от 4 октября 2000 г. получил личное дело призывника – заявителя.

30. 20 мая 2002 г. дело было передано судьё Б., который в результате рассмотрения материалов дела направил ряду органов военного управления и медицинских органов запросы о предоставлении дополнительных доказательств. По информации от властей, последний ответ городским судом был получен 12 июля 2002 г.

31. В октябре 2002 г. городской суд направил в Приозерскую городскую администрацию запрос о предоставлении документов, регламентирующих деятельность Приозерского райвоенкомата.

32. В ходе первого заседания, назначенного судьёй Б. на 10 декабря 2002 г., заявитель свои требования изменил. Городской суд передал заявителю и его представителю письменное предупреждение о том, что изменение требований повлечет задержку рассмотрения дела. Заседание было перенесено на 14 января 2003 г., каковое было также отложено ввиду неявки ответчика. Тем временем заявитель подал дополнительное изменение к исковым требованиям.

33. Следующее заседание, назначенное на 29 января 2003 г., было отложено до 13 марта 2003 г. по ходатайству ответчиков для того, чтобы предоставить им возможность изучить дополнительные документы, представленные заявителем.

34. На заседание 13 марта 2003 г. ответчики не явились, в связи с чем городской суд направил им предупреждение о последствиях их поведения, и обязал их явиться на следующее слушание, назначенное на 14 мая 2003 г.

35. 14 мая 2003 г. представитель заявителя обратился к суду с ходатайством об отложении заседания по делу по причине невозможности явки на судебное слушание. Городской суд назначил следующее заседание на 16 октября 2003 г., каковое было перенесено на 4 декабря 2003 г. ввиду неявки ответчиков.

36. На заседании 4 декабря 2003 г. представитель заявителя обратился в городской суд с ходатайством о привлечении органов Федерального казначейства Приозерского района и Ленинградской области в качестве соответчиков, данное ходатайство было судом удовлетворено. Заседание было отложено до 18 марта 2004 г.

37. 18 марта 2004 г. на судебном заседании заявитель отказался пройти медицинское обследование. В тот же день Приозерский

городской суд в иске отказал, постановив в части, имеющей отношение к настоящему делу, следующее:

«Заслушав позиции сторон и третьих лиц и изучив материалы дела, материалы уголовного дела № 14/04/0035-2000Д, а также личного дела призывника [-заявителя] с приложенными медицинскими документами, суд установил, что требования [заявителя] являются необоснованными, и удовлетворению не подлежат.

В силу ст. 26-28 и 30 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», райвоенкомат за счет федерального бюджета исполняет обязанность по призыву граждан на военную службу, организует их медицинское обследование и предоставляет освобождения от воинской обязанности.

Военкомат был сформирован на основании Распоряжения № 263 Главы Приозерского районного совета Ленинградской области от 31 марта 1999 г. в целях организации и осуществления призыва на военную службу, С. был назначен в качестве главного врача.

В 1999 г. Приказом № 315 «О порядке проведения военно-врачебной экспертизы в Вооруженных Силах Российской Федерации», принятым Министерством Обороны Российской Федерации 22 сентября 1995 г., была регламентирована деятельность военкомата и процедура медицинского освидетельствования лиц при первоначальной постановке на воинский учет и позднее при призыве на военную службу.

Будучи впервые поставленным на воинский учет 12 февраля 1997 г. (запись №5 в учетной карточке призывника) [заявитель] жалоб на здоровье не имел, его вес составлял 50 килограммов, рост – 167 сантиметров, был поставлен диагноз «гипотрофия неизвестного происхождения», согласно п. 13-ж таблицы 1 Расписания болезней и Таблицы дополнительных требований, установленных в изменениях к Положению о военно-врачебной экспертизе, утвержденной 20 апреля 1995 г. Постановлением Правительства Российской Федерации № 390, заявителю была присвоена группа «Г» – временно негоден к военной службе на период в шесть месяцев. Было отмечено, что он нуждается в медицинском осмотре.

Будучи призванным на военную службу 16 апреля 1999 г. (запись №8 в учетной карточке призывника), [заявитель] никаких жалоб о состоянии своего здоровья не имел. Его диагноз: «здоров». На основании Таблицы 1 Расписания болезней и Таблицы дополнительных требований к состоянию здоровья граждан, установленных в изменениях к Положению..., [он был отнесен к группе] «А» – годен к военной службе. Было принято решение о призыве его в армию.

3 июня 1999 г. в ходе освидетельствования врачами районного сборного пункта военкомата Ленинградской области, заболеваний, препятствующих его призыву на военную службу выявлено не было. У заявителя был выявлен лишь сколиоз первой степени. В силу пункта 66-ж таблицы 1 Расписания болезней и Таблицы дополнительных требований ..., заявитель был отнесен к категории «Б-4» – годен к военной службе с незначительными ограничениями. Было принято решение о призыве его на военную службу.

На основании п. 7 ст. 28 Федерального Закона «О воинской обязанности и военной службе» заявитель вправе обжаловать решение военкомата о призыве его в армию.

7 декабря 1999 г. Военно-врачебная комиссия Окружного военного клинического госпиталя № 442 приняла решение о том, что заявитель был ограниченно годен к военной службе ... согласно пп. 22 «б» и 49 «г» таблицы 2 Расписания болезней и Таблице дополнительных требований ... было принято решение, что его заболевание было приобретено в течение срока его военной службы.

Заявитель и его представитель возразили, что заключение ... Научно-исследовательского Психоневрологического Института им. В. М. Бехтерева свидетельствует, что его заболевание – «органическое заболевание мозга» – явилось результатом черепно-мозговых травм, перенесенных заявителем – нейроинфекций, внутриутробных осложнений (что означает «в течение или после родового акта», как пояснили представители и подтвердил врач С.), что должно послужить основанием для отмены решения военкомата Приозерского района от 3 июня 1999 г. о призыве заявителя.

Согласно ст. 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, каждая сторона обязана доказать те обстоятельства, на которых она основывает свои требования и возражения, если федеральным законом не установлено иное.

Поскольку ни одно доказательство не имеет для суда заранее установленной силы, и согласно ст. 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, суд оценивает относимость, допустимость и достоверность доказательств в целом, ... отказ истца пройти судебное медицинское обследование в ходе настоящего судебного разбирательства не позволяет суду установить, что в период медицинского обследования Приозерским райвоенкоматом у заявителя имелись перечисленные заболевания.

В качестве обоснования требований заявителя, медицинское заключение № 19 от 18 января 2001 г., подготовленное экспертной судебно-медицинской (психологической и психиатрической) комиссией, в частности ответы комиссии на вопросы №№ 7 и 8 о том, что патологические органические изменения центральной нервной системы заявителя, выявленные при обследовании, являлись врожденными или что они возникли в раннем детском возрасте, суд не признает, поскольку экспертное обследование, выполненное в рамках уголовного дела, не устраняет противоречий и не оценивает выводы, к которым пришла в своем решении Военно-врачебная комиссия Окружного военного клинического госпиталя № 442, которая установила, что заявитель приобрел данные заболевания во время прохождения военной службы, при этом, суд отмечает, что в заключении экспертизы по уголовному делу имеется ссылка на указанное решение.

Следовательно, в ситуации, когда заявитель отказался пройти дополнительное экспертное обследование, суд и стороны настоящего дела по иску заявителя не имеют возможности использовать свои процессуальные права для разрешения вышеуказанных противоречий, чтобы установить, насколько «негативные эмоции, пережитые в период военной службы и в качестве реакции заявителя на существующие окружающие обстоятельства ухудшили состояние его здоровья.»

Таким образом, суду не было представлено доказательств, убедительно свидетельствующих, что данные заболевания у заявителя имелись до призыва в армию 16 апреля 1999 г.

Кроме того, на судебном слушании было установлено, что записи о жалобах заявителя на головную боль 9 ноября 1987 г. и гипертонию были включены в историю болезни заявителя, составленную 4 ноября 1995 г., и были переданы матери заявителя в октябре 1998 г., что она не оспаривала, при этом данную историю болезни медицинским специалистам военкоматов Приозерского района и Ленинградской области она не представляла.

Суду также не были предоставлены доказательства, убедительно свидетельствующие о том, что заявитель жаловался на состояние своего здоровья во время его осмотра Военно-врачебной комиссией Приозерского района либо Военно-врачебной комиссией Ленинградской области, судом также не было установлено, что ... заявителя принуждали к составлению собственноручной записи о том, что у него жалоб о состоянии его здоровья не имеется.

Суд не может согласиться с представителем заявителя в том, что С. не исполнил свои административные обязанности главного врача военно-врачебной комиссии, поскольку было установлено, что жалоб от призывника не поступало, история болезни заявителя находилась у его матери, которая могла привлечь внимание врачей к заявляемым проблемам медицинского характера, а также могла получить необходимые консультации от медицинских специалистов.

Таким образом, суд не установил никаких нарушений ни при проведении медицинских обследований заявителя, ни при включении его в список военнообязанных, ни при призыве его в вооруженные силы согласно Приказу № 315 «О порядке проведения военно-врачебной экспертизы в Вооруженных Силах Российской Федерации», принятому Министерством Обороны Российской Федерации 22 сентября 1995 г.

На основании вышеизложенного, суд признает утверждение заявителя о том, что решение военкомата Приозерского района от 3 июня 1999 г. о его призыве в армию было незаконным и должно быть отменено, явно необоснованным. Суд приходит к выводу, что требования заявителя должны быть оставлены без удовлетворения.

Суд отклоняет требования заявителя о компенсации материального ущерба и морального вреда, поскольку было установлено, что само исковое требование ... является явно необоснованным.

Суд не принимает аргумент военкомата Приозерского района о том, что заявитель пропустил трехмесячный срок для подачи жалобы в суд, поскольку в силу ст. 200 Гражданского кодекса Российской Федерации, срок на подачу иска начинается с даты, когда лицо узнало о нарушении его прав. Истец и его представитель узнали о нарушении прав заявителя только после того, как заявитель был обследован врачами Научно-исследовательского Психоневрологического Института им. В. М. Бехтерева 9 ноября 1999 г. Соответственно, суд установил, что срок на подачу иска пропущен не был, и

ходатайство об отклонении исковых требований заявителя ввиду пропуска срока удовлетворению не подлежит».

38. 2 июня 2004 г. Ленинградский областной суд оставил решение в силе, согласившись с доводами городского суда.

С. Расследование уголовного дела по жалобам заявителя об избиениях во время прохождения им военной службы

39. 6 марта 2000 г. в ответ на жалобу заявителя о ненадлежащем обращении в период прохождения им военной службы военная прокуратура Волгоградского гарнизона возбудила уголовное дело против капитана Ч.

40. Следователь неоднократно допрашивал заявителя об обстоятельствах предполагаемых избиений заявителя капитаном Ч. Аналогичные допросы были проведены с капитаном Ч. и рядом призывников, служивших вместе с заявителем. 20 декабря 2000 г. между заявителем и капитаном Ч. была проведена очная ставка.

41. 17 января 2001 г. военная прокуратура Северо-Кавказского военного округа сообщила матери заявителя, что ее жалобы о ненадлежащем обращении с заявителем были рассмотрены, и «были приняты необходимые меры для прекращения затягивания дела». Мать заявителя была также уведомлена о том, что уголовное дело было передано другому следователю.

42. В январе 2001 г. старший следователь военной прокуратуры Волгоградского гарнизона назначил комплексное судебно-медицинское психологическое и психиатрическое обследование заявителя в судебно-медицинской лаборатории Северо-Кавказского военного округа Министерства обороны Российской Федерации. 18 января 2001 г. эксперты подготовили заключение о том, что медицинских показателей, подтверждающих, что заявитель осенью 1999 г. перенес какие-либо ранения или травмы в результате описываемого им применения силы, не имеется. Эксперты также отметили, что заболевания заявителя, выявленные в ходе предшествующих медицинских осмотров, в частности – органические заболевания мозга, были врожденными или могли развиваться в раннем детстве в результате плохой наследственности, осложнений при родах, травм головы или нейроинфекций. Эксперты пришли к заключению о том, что указанные заболевания не могли быть результатом ударов по голове либо со стороны капитана Ч., либо солдат-служивцев, как утверждал заявитель.

43. 7 февраля и 23 июня 2001 г. уголовное дело было прекращено по причине отсутствия состава преступления. Оба решения были отменены вышестоящей прокуратурой соответственно 7 мая и 17 сентября 2001 г. и следствие было возобновлено.

44. 19 сентября 2001 г. для расследования дела был назначен другой следователь.

45. Месяц спустя уголовное дело было прекращено по причине отсутствия доказательств уголовно-наказуемого деяния. Текст данного постановления был аналогичен предшествующим, и гласил:

«Первоначально на основании материалов дела было установлено, что, как следует из жалоб заявителя, 5 сентября 1999 г., примерно в 16:00, в штабе воинской части капитан Ч., недовольный службой [заявителя] в дежурном подразделении, как минимум четыре раза ударил [заявителя] по голове металлической гильзой от пушечного снаряда.

Согласно утверждению [заявителя], по причине данного избиения он самовольно оставил воинскую часть 25 октября 1999 г. и направился по месту своего проживания в Ленинградской области.

Однако в ходе расследования капитан Ч. твердо и последовательно отрицал свое участие в избиении [заявителя] и причинении вреда здоровью [заявителя].

В ходе досудебного расследования [следственные органы] начали сомневаться в достоверности утверждений [заявителя]; по делу было решено провести судебно-медицинскую психологическую и психиатрическую экспертизу. Экспертам был предоставлен полный комплект медицинских документов, [заявитель] согласился на предоставление [указанных документов].

Согласно выводам экспертов, предоставленные медицинские документы не содержат каких-либо доказательств, свидетельствующих о том, что [заявитель] перенес какие-либо травмы или [приобрел] какие-либо заболевания в результате предполагаемых ударов тяжелым объектом по голове или шее. Патологические органические изменения центральной нервной системы [заявителя], выявленные в ходе обследования, являлись врожденными, либо возникли в раннем детстве в результате осложненного наследственного анамнеза, осложнений при родах, возможных травм головы, а также наличия нейроинфекции в детском и юношеском возрасте. Негативные эмоции, которые [заявитель] испытал в период военной службы, могли ухудшить существующие хронические заболевания. С учетом вышеизложенного, эксперты пришли к однозначному выводу, что заболевания [заявителя] были врожденными или возникли в раннем детстве. Они не могли возникнуть в результате вероятных ударов по голове со стороны капитана Ч.

Более того, как следует из показаний сослуживцев-призывников [заявителя], солдат А., Ба. и П., которых [заявитель] указал в качестве свидетелей предполагаемого избиения со стороны капитана Ч., последний к [заявителю] никакой физической силы не применял. [Заявитель] [названным солдатам] [об избиении] ничего не говорил.

Как следует из показаний, которые [заявитель] дал в ходе досудебного расследования, капитан Ч. ударил его по голове как минимум пять раз; после первого удара заявитель более не мог стоять на ногах и прислонился к стене, затем сел. Капитан Ч. наносил остальные удары, когда [заявитель] уже был у стены. В целях воссоздания показаний [заявителя] и проверки возможности нанесения ударов металлической пушечной гильзой через деревянную

перегородку, был проведен следственный эксперимент. Место, в котором, согласно [заявителю], капитан Ч. его избил, было перед проведением следственного эксперимента реконструировано. В эксперименте участвовали помощники, антропологически схожие с [заявителем] и капитаном Ч. В результате эксперимента было установлено, что удар через деревянную перегородку мог быть нанесен только лицом, которое стояло очень близко к ней. По причине значительного расстояния, помощник, антропологически схожий с капитаном Ч., даже однократно не мог ударить помощника, антропологически сходного с [заявителем], если последний стоял на ногах или сидел, прислонившись к стене. Из вышеизложенных фактов можно сделать вывод, что показания [заявителя], данные им в ходе досудебного расследования, являются ложными».

46. 10 января 2002 г. военная прокуратура Северо-Кавказского военного округа отменила постановление от 19 октября 2001 г. и отдала указание провести дополнительное расследование, установив, что не была проведена проверка по дополнительной жалобе заявителя о том, что он был избит старшими призывниками.

47. 17 июня 2002 г. уголовное дело было прекращено по причине отсутствия оснований для уголовного преследования. Постановление содержало текст постановления от 19 октября 2001 г., а также дополнительные пункты следующего содержания:

«[Заявитель] пояснил, что 5 сентября 1999 г., примерно в 16:00, в штабе военной части капитан Ч., недовольный тем, как [заявитель] нес службу в качестве дежурного, ударил его кулаком в лицо. После чего [капитан Ч.] отвел [заявителя] на склад казармы, где ударил его по голове как минимум пять раз металлической гильзой от пушечного снаряда. Во время избиений на складе присутствовал солдат А. [Заявитель] рассказал об инциденте солдатам Ба. и П., которые дежурили вместе с ним.

Кроме того, [заявитель] объяснил, что в середине октября 1999 г. солдат Б. предложил [заявителю] обменяться военными куртками, и когда последний отказался, солдат Б. ударил [заявителя] в нос рукой или головой, нос [заявителя] начал кровоточить. Во время избиений присутствовали солдаты П., М., Пу., Бе., Д. и Г.

При этом в ходе допроса капитан Ч. твердо и последовательно отрицал участие в избиениях [заявителя], а также в причинении какого-либо вреда его здоровью.

В ходе очной ставки между [заявителем] и капитаном Ч. последний свои показания подтвердил, в то время как [заявитель] был в своих показаниях непоследователен, и давал на одинаковые вопросы различные ответы.

При даче показаний [заявитель] пояснил, что солдат А. ... лично наблюдал избиение заявителя капитаном Ч. на складе. А., допрошенный по месту его жительства в качестве свидетеля, уверенно отрицал, что капитан Ч. в воинской части № 22336 применял к призывникам, включая [заявителя], физическую силу. Кроме того, он отметил, что не помнит [заявителя]. При этом он ... хорошо помнил капитана Ч. и никогда не видел, чтобы тот кого-либо избивал. Также А. заявил, что никакой гильзы от снаряда на складе не было.

Кроме того, [заявитель] утверждал, что он сообщил солдату Ба., который находился с ним на дежурстве в дежурном подразделении, об избиении капитаном Ч. Однако [Ба.], допрошенный в качестве свидетеля по месту его жительства, заявил, что [заявителя] он не помнит. Он хорошо помнит [капитана Ч.], и может характеризовать последнего только с положительной стороны, он никогда не видел, чтобы капитан Ч. кого-либо избивал. Гильзы от пушечного снаряда на складе казармы он никогда не видел.

[Заявитель] в качестве еще одной причины самовольного оставления расположения части № 2236, указал, что в середине октября 1999 г. солдат Б. предложил обменяться с ним военными куртками, однако [заявитель] отказался. В ответ [на отказ] солдат Б. ударил [заявителя] в нос рукой или головой, нос [заявителя] начал кровоточить. ... он редко с ним встречался, поскольку [заявитель] служил в другом подразделении воинской части № 2236. [Б.] пояснил, что он никогда не применял к призывникам незаконных методов воздействия, а кроме того, никогда ни о чем не просил [заявителя], и не избивал его после того, как [последний] предположительно отказался [выполнить требование]. Его военная куртка была в порядке, и менять ее не требовалось.

{По словам заявителя}, при предполагаемом избиении солдатом Б. присутствовал солдат Д. ... Однако Д., опрошенный в качестве свидетеля, заявил, что он никогда не применял незаконных методов воздействий к [заявителю], и никогда не видел, чтобы [заявителя] избивали.

В ходе очной ставки между [заявителем] и Д., последний давал последовательные и недвусмысленные ответы, полностью подтверждающие его заявления.

Кроме того, [заявитель] утверждал, что во время его избиения солдатом Б., солдат П. находился вместе с ними в дежурном помещении. Солдат П., допрошенный в качестве свидетеля, заявил, что никогда [заявителя] не избивал, и никогда не видел, чтобы кто-то [заявителя] избивал. Кроме того, П. пояснил, что его сослуживец-призывник, Пу., сообщил ему, что в мае 2000 г., будучи в увольнительной, [заявитель] и его мать приходили к нему домой и просили его подписать бумаги, подтверждающие, что [заявителя] в военной части якобы избивали призывники калмыцкой национальности.

В ходе очной ставки [заявителя] с П., последний давал последовательные ответы, которые полностью соответствовали его показаниям.

М. и Ба., которые, согласно утверждениям [заявителя], присутствовали при избиениях, в ходе допроса [следователем] показали, что никогда не применяли [к заявителю] силу, и никогда не видели, чтобы кто-то его избивал».

Власти предоставили в Суд копии протоколов допросов заявителя, капитана Ч. и свидетелей, а также копии протоколов допросов очных ставок.

48. Заявитель неоднократно обращался в вышестоящие прокуратуры с жалобами о прекращении расследований.

49. 27 августа 2002 г. заявитель был уведомлен о том, что уголовное дело было направлено в Приозерский городской суд для изучения в рамках гражданского дела по иску заявителя.

50. 11 февраля 2003 г. заявитель обратился в Приозерский городской суд с запросом о состоянии материалов уголовного дела. В неустановленный день председатель городского суда сообщил заявителю, что материалы необходимы городскому суду в связи с гражданским иском заявителя, находящимся в суде на рассмотрении.

51. 20 августа 2003 г. военная прокуратура Северо-Кавказского военного округа сообщила заявителю о том, что его жалобы на постановление от 17 июня 2002 г. были рассмотрены и оставлены без удовлетворения. Имеющая значение для настоящего дела часть письма от 20 августа 2003 г. гласит:

«В ходе предварительного следствия было установлено, что капитан Ч. и солдат Б. никогда не причиняли вреда здоровью [заявителя].

Как следует из заключения совместной комплексной судебно-медицинской психологической и психиатрической экспертизы, полный комплект медицинских документов [заявителя] не содержит какой-либо информации о том, что он перенес какие-либо телесные повреждения или заболевания в результате ударов по голове или шее тяжелым объектом. Выявленные органические симптомы заболевания центральной нервной системы [заявителя] являются врожденными либо были приобретены в раннем детстве в связи с наследственностью, вследствие осложнений при родах, возможных травм головы и нейроинфекций в детстве и юности.

Негативные эмоции, испытанные в течение военной службы, могли привести к усугублению хронических болезней [заявителя].

Эксперты пришли к однозначному выводу о том, что заболевания [заявителя] были врожденными либо приобретенными в раннем детстве и не могли возникнуть по причине ударов по голове, предположительно нанесенными капитаном Ч.»

D. Экспертное заключение от 4 мая 2006 г.

52. 28 апреля 2006 г. помощник Главного военного прокурора направил письмо в Главный государственный центр судебно-медицинских и криминалистических экспертиз в г. Москве (далее – «Центр экспертизы») с запросом на проведение экспертизы истории болезни заявителя, включая три экспертных заключения: Научно-исследовательского Психоневрологического Института им. В. М. Бехтерева от 9 ноября 1999 г., Военно-врачебной комиссии медицинского клинического госпиталя № 442 от 7 декабря 1999 г., а также судебно-медицинской лаборатории Северо-Кавказского военного округа Министерства обороны Российской Федерации от 18 января 2001 г., а также дать ответ на ряд вопросов.

53. 4 мая 2006 г. Центр экспертизы дал заключение, которое в относящейся к данному делу части гласит:

«Перед экспертами были поставлены следующие вопросы:

1. Каковы были заболевания [заявителя], выявленные в течение прохождения им военной службы (объясните диагноз): каким образом проявляют себя поражения функций органов, каковы симптомы болезней, и т.д.?
2. Каковы причины и процессы развития указанных заболеваний, и вызваны ли они травмой (травмами), полученными [заявителем]? Если да, то когда названные травмы были получены?
3. Каков период времени, необходимый для проявления указанных заболеваний, и какова связь между ними и наследственностью?
4. Имели ли место данные заболевания [у заявителя], когда тот был призван в армию? Если да, то каким образом названные заболевания были выявлены, и мог ли [заявитель] быть призван в армию [имея такие заболевания]?

...

Заключения

1. В соответствии с медицинскими документами, в течение периода службы в армии у [заявителя] проявлялись симптомы «органического поражения мозга в результате черепно-мозговых травм, нейроинфекций, нарушений внутриутробного развития в форме церебрального арахноидита с явно выраженным гипертензивным синдромом, церебральной ангиодистонии, эпилептиформных пароксизмов ..., билатеральных пирамидальных признаков, психоорганических и астенопсихических синдромов».

Вышеуказанные заболевания не сопровождались поражением двигательных, сенсорных или координационных функций либо иных функций нервной системы. Основными симптомами заболеваний были головные боли, утомляемость, раздражительность и ослабление внимания, памяти и концентрации.

2. Вышеупомянутые органические заболевания мозга [заявителя] возникли в детстве или юности. Факторами, ведущими к развитию такого состояния, были нейроинфекция, острые инфекционные воспалительные заболевания, сопровождавшиеся сильным жаром и интоксикацией, а также множественные травмы головы, которые совместно послужили основой для процесса развития указанной болезни. Предположительная травма головы, перенесенная 5 сентября 1999 г. при прохождении [заявителем] военной службы (с июня по октябрь 1999 г.) не входит в число основных факторов развития указанной полисимптоматики, остаточных органических нарушений мозга.

3. Длительность болезни мозга [заявителя] соответствует заявленному воздействию патологических факторов, перечисленных в ответе № 2, и наблюдавшихся в период, предшествующий его призыву на военную службу. Как следует из медицинских документов, [заявитель] проявляет признаки психически отягощенного наследственного анамнеза в виде психического заболевания отца, сопровождающегося злоупотреблением алкоголем и смертью

в результате суицида. [Сам заявитель] проявляет признаки наследственной депрессии («периоды плохого настроения»).

4. Симптомы «органического заболевания мозга в результате черепно-мозговых травм, нейроинфекций, нарушений внутриутробного развития в форме церебрального арахноидита с явно выраженным гипертензивным синдромом, церебральной ангиодистонии, эпилептиформных пароксизмов ..., билатеральных пирамидальных признаков, психоорганических и астенопсихических синдромов» присутствовали в момент призыва [заявителя] на военную службу (в июне 1999 г.). В то же время, с учетом заключений медицинских специалистов военкомата о том, что [заявитель] не имел жалоб [о состоянии своего здоровья], в своем клиническом аспекте неврологическую симптоматику установить было невозможно. Согласно пояснениям и применению п. 22 Расписания болезней («Положение о военно-врачебной экспертизе», утвержденное 20 апреля 1995 г. Постановлением Правительства Российской Федерации № 390), выявление данного заболевания и степени его тяжести, «заключение о категории годности к военной службе граждан при первоначальной постановке на воинский учет, призыве на военную службу, поступлении на военную службу по контракту выносятся после стационарного обследования».

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

А. Законодательство о военной службе

1. Конституция Российской Федерации

54. 12 декабря 1993 г. была принята Конституция Российской Федерации. Согласно ст. 59 Конституции Российской Федерации, защита отечества является «долгом и обязанностью» каждого гражданина Российской Федерации. П. 2 ст. 59 Конституции предусматривает, что граждане России проходят военную службу в соответствии с федеральным законодательством.

2. Закон о воинской обязанности и военной службе

55. Законодательство Российской Федерации содержит подробную регламентацию различных этапов процесса призыва на военную службу. Указанные нормы, включенные в Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» (далее «Закон о военной службе») от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ, применяются без исключений ко всем молодым мужчинам призывного возраста. В частности, ст. 9 Закона «О военной службе» определяет процедуру первоначальной постановки граждан на воинский учет. В год достижения семнадцатилетнего возраста гражданин мужского пола ставится на воинский учет. В то же время осуществляется предварительная

(первичная) оценка его пригодности к военной службе либо основания для освобождения от нее. Комиссия по постановке граждан на воинский учет обязана организовать медицинское освидетельствование граждан, определить их годность к военной службе по состоянию здоровья и принять решение о постановке гражданина на воинский учет либо внести на рассмотрение вопрос о зачислении в запас гражданина, признанного ограниченно годным к военной службе, или вопрос об освобождении от исполнения воинской обязанности гражданина, признанного не годным к военной службе (п. 6 ст. 9 Закона «О военной службе»).

56. Ст. 16 Закона «О военной службе» регламентирует медицинское освидетельствование и медицинское обследование граждан при первоначальной постановке на воинский учет и проведение с ними лечебно-оздоровительных мероприятий. В частности, статья предусматривает, что медицинское освидетельствование должно проводиться группой врачей-специалистов, включающей терапевта, хирурга, невропатолога, психиатра, окулиста, отоларинголога, стоматолога, а также иных врачей при необходимости. В случае невозможности получить медицинское заключение о годности гражданина к военной службе по состоянию здоровья комиссия по постановке граждан на воинский учет направляет его на амбулаторное или стационарное медицинское обследование в медицинскую организацию. В случае необходимости гражданин может быть направлен в медицинскую организацию для проведения лечебно-оздоровительных мероприятий.

57. В силу ст. 23 Закона «О военной службе» граждане, которые были признаны не годными или ограниченно годными к военной службе по состоянию здоровья, получают освобождение от военной службы. Отсрочка от военной службы до одного года предоставляется гражданам, признанным временно не годными к службе по состоянию здоровья (ст. 24 Закона «О военной службе»).

58. По достижению восемнадцатилетнего возраста граждане России мужского пола получают повестки явиться на местную призывную комиссию для прохождения процедуры призыва на военную службу. Согласно Положению о призыве, гражданин обязан получить повестку лично под расписку (п. 2 ст. 31 Положения о призыве). Если гражданин лично получил повестку под расписку, однако не явился для прохождения процедуры призыва, он считается уклоняющимся от призыва и привлекается к ответственности согласно Уголовному кодексу (п. 2 ст. 28 и п. 4 ст. 31 Уголовного кодекса). Если органы власти не имеют возможности вручить гражданину повестку лично, призывная комиссия вправе письменно обратиться к местным органам внутренних дел за помощью в обеспечении явки гражданина на процедуру призыва (п. 2 ст. 31 Положения о призыве).

59. Ст. 28 Закона «О военной службе» устанавливает перечень обязанностей призывной комиссии на этапе призыва на военную службу. В частности, комиссия обязана организовать медицинское освидетельствование граждан и принять в отношении каждого из них одно из следующих решений: (а) о призыве на военную службу; (б) о направлении на альтернативную гражданскую службу; (с) о предоставлении отсрочки от призыва на военную службу; (d) об освобождении от призыва на военную службу; (e) о зачислении в запас; или (f) об освобождении от исполнения воинской обязанности. Также комиссия определяет призывника в определенный вид и род войск.

60. Ст. 30 Закона «О военной службе» в порядке, аналогичном изложенному в ст. 16 Закона «О военной службе», определяет процедуру медицинского освидетельствования и медицинского обследования граждан, подлежащих призыву на военную службу. Кроме того, ст. 30 определяет, что с учетом результатов медицинского освидетельствования глава военно-врачебной комиссии обязан принять решение, устанавливающее степень годности гражданина к военной службе по следующим пяти категориям:

- А – годен к военной службе
- Б – годен к военной службе с незначительными ограничениями;
- В – ограниченно годен к военной службе;
- Г – временно не годен к военной службе;
- Д – не годен к военной службе.

Ст. 30 Закона «О военной службе» также предусматривает, что подробный порядок организации и проведения медицинского освидетельствования граждан, подлежащих призыву на военную службу, устанавливается Положением о военно-врачебной экспертизе, утвержденным Правительством Российской Федерации.

3. Положение о военно-врачебной экспертизе (в силе до 1 июля 2003 г.)

61. 20 апреля 1995 г. было принято Постановление Правительства Российской Федерации № 390 «Об утверждении Положения о военно-врачебной экспертизе» (далее – «Положение»). Соответствующие пункты Положения гласят:

«20. Гражданин на основании решения комиссии по постановке граждан на воинский учет или призывной комиссии может быть направлен в медицинское учреждение государственной или муниципальной системы здравоохранения на амбулаторное или стационарное медицинское обследование для уточнения диагноза заболевания либо для лечения... По завершении медицинского обследования (лечения) гражданина составляется акт исследования состояния его здоровья...

21. При первоначальной постановке гражданина на воинский учет или его призыве на военную службу, в случае если этот гражданин нуждается в продолжительном (свыше 3 месяцев) [дополнительном] медицинском обследовании (лечении), выносится заключение о его временной негодности к военной службе на срок от 6 до 12 месяцев (в военное время – от 3 до 12 месяцев). После завершения [дополнительного] медицинского обследования (лечения) гражданин проходит повторное освидетельствование и может быть призван на военную службу.

При возможности завершить [дополнительное] медицинское обследование (лечение) гражданина до окончания работы комиссии по постановке граждан на воинский учет или призывной комиссии (текущего призыва на военную службу) заключение о его временной негодности к военной службе не выносится. В этом случае врач-специалист дает заключение о том, что гражданин нуждается в медицинском обследовании (лечении) с указанием срока явки на повторное освидетельствование.

После истечения срока временной негодности гражданина к военной службе выносится окончательное заключение о его категории годности к военной службе.

22. Гражданин, признанный при первоначальной постановке на воинский учет или призыве на военную службу временно не годным к военной службе, в случае отказа или уклонения от медицинского обследования (лечения) подлежит повторному освидетельствованию через 6 месяцев. Если при повторном освидетельствовании у гражданина не выявлено признаков ухудшения состояния здоровья либо отсутствуют явные признаки увечья (ранения, травмы, контузии) или заболевания, препятствующие призыву на военную службу, он признается годным к военной службе или годным к военной службе с незначительными ограничениями.

23. Руководители органов управления здравоохранением, руководители медицинских учреждений государственной и муниципальной систем здравоохранения и военные комиссариаты принимают меры для проведения своевременного медицинского обследования (лечения) граждан.

62. Положение также содержит Расписание болезней, на основе которого военно-врачебная комиссия определяет, к какой из пяти категорий (от А до Д) годности к военной службе принадлежит гражданин. В частности, п. 22 Расписания болезней регламентирует заболевания нервной системы. Клинически выраженная гидроцефалия и ликворная гипертензия приводятся среди заболеваний нервной системы, которые относят страдающее ими лицо к категории «Д – не годен к военной службе». П. 22 Расписания болезней обязывает поставить окончательный диагноз на основании медицинских документов, результатов клинических и специальных медицинских обследований, а также иных доказательств, подтверждающих диагноз и показывающих отрицательное влияние заболевания на способность лица к работе или прохождению военной службы.

4. Инструкция о порядке проведения военно-врачебной экспертизы

63. 22 сентября 1995 г. был издан Приказ Министра обороны Российской Федерации № 315 «О порядке проведения военно-врачебной экспертизы в Вооруженных Силах Российской Федерации», утверждающий Инструкцию о порядке проведения военно-врачебной экспертизы в Вооруженных Силах Российской Федерации (далее – «Инструкция»), который, включая в себя нормы Положения, предусматривал еще более детальные правила деятельности военно-врачебных комиссий по медицинскому освидетельствованию призывников. Инструкция (действовавшая в соответствующий период времени) в имеющей значение для дела части гласила:

«114. Граждане, признанные при первоначальной постановке на воинский учет нуждающимися в обследовании (лечении), учитываются призывной комиссией в двух списках:

в списке № 1 – временно не годные к военной службе;

в списке № 2 – годные к военной службе с незначительными ограничениями.

Указанные списки не позднее пяти дней после окончания работы призывной комиссии по постановке граждан на воинский учет направляются в органы управления здравоохранением и в медицинские учреждения, в которых проводится медицинское обследование (лечение) граждан, подлежащих призыву на военную службу.

Направление на обследование (лечение) выдается на руки освидетельствуемому при объявлении ему решения призывной комиссии по постановке граждан на воинский учет. В направлении указываются наименование медицинского учреждения, диагноз, цель обследования и срок повторной явки на освидетельствование. Гражданину разъясняется необходимость проведения обследования (лечения).

...

Призывная комиссия осуществляет контроль за своевременностью обследования (лечения) и повторного освидетельствования граждан».

В. Расследование уголовно наказуемых деяний

64. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (действующий с 1 июля 2002 г. – далее «УПК») предусматривает, что уголовное дело может быть возбуждено следователем или прокурором по обращению лица или по инициативе следственных органов, если есть основания полагать, что было совершено преступление (ст. 146 и 147 УПК). Прокурор несет ответственность за общий контроль за

расследованием (ст. 37 УПК). Он имеет право дать указание о совершении определенных следственных действий, передать дело от одного следователя к другому, а также назначить проведение дополнительного расследования. В случае отсутствия оснований для возбуждения уголовного дела прокурор или следователь принимают об этом мотивированное решение, о котором должны быть уведомлены заинтересованные лица. Решение может быть изменено по жалобе вышестоящему прокурору или в суд общей юрисдикции в соответствии с процедурой, установленной ст. 125 УПК (ст. 148 УПК). Ст. 125 УПК предусматривает судебную процедуру пересмотра решений следователей и прокуроров, предположительно нарушающих конституционные права участников процесса или затрудняющие доступ к правосудию.

III. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ДОКЛАДЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

«Хьюман Райтс Вотч» (Human Rights Watch)

1. Доклад: «Россия: Задержан в армию: облавы на призывников в российских городах» (“Russia: Conscription through Detention in Russia’s Armed Forces”)

65. Ниже приводятся соответствующие извлечения из доклада Хьюман Райтс Вотч от ноября 2002 г. (ч. 14, № 8 (Д)), озаглавленного: «Россия: Задержан в армию: облавы на призывников в российских городах»:

«Проблемы с выполнением плана призыва

В связи с непопулярностью призыва как такового и общим ухудшением состояния здоровья молодежи, военкоматы практически во всех городах сталкиваются с трудностями при выполнении плана призыва, и многие оказываются призванными в армию со слабым здоровьем.

...

Кризис призыва усугубляются слабым здоровьем молодежи в России. В последние годы около половины призывников признаются не годными к службе. В апреле 2002 г. представитель Минобороны заявил на пресс-конференции, что в 2001 г. медкомиссиями было забраковано 54 % призывников. По словам другого военного чиновника, каждый год на 400 тыс. призываемых около 600 тыс. признаются негодными к службе.

В сложившейся ситуации работникам военкоматов не остается иного выхода, кроме как набирать призыв за счет наименее образованных и иногда серьезно

больных молодых людей. Со ссылкой на неназванного депутата Госдумы газета «The Moscow Times» сообщила о том, что в своем выступлении перед законодателями министр обороны С. Иванов назвал призванных осенью 2001 г. «жалкой кучкой страдающих от наркозависимости, психических расстройств и недоедания». Статистика Минобороны свидетельствует о том, что каждый второй призванный до службы в той или иной степени страдал алкоголизмом, а каждый четвертый употреблял наркотики.

...

Ускоренная процедура призыва

Молодые люди, с которыми мы встречались при подготовке данного доклада, оформлялись военкоматами без должной тщательности и часто с нарушениями. Вопреки установленному порядку, медицинское обследование носило поверхностный характер, а призывные комиссии зачастую отказывались рассматривать возможные основания для отсрочки или освобождения от службы. Отмечены случаи, когда призывные комиссии оформляли призывников, приписанных к другим военкоматам.

...

Медкомиссии

Все наши собеседники отмечали поверхностный характер медосмотра на призывной комиссии местного и вышестоящего звена. Врачи отказывались принимать во внимание их заявления о серьезных проблемах со здоровьем, а некоторых молодых людей осмотрели даже не все обязательные специалисты»

2. Доклад: «Больная армия: проблемы питания и охраны здоровья в российских вооруженных силах» (“Serve without Health? Inadequate Nutrition and Health Care”)

66. Ниже приводятся соответствующие извлечения из доклада «Хьюман Райтс Вотч» от ноября 2003 г. (ч. 15, № 9 (Д)), озаглавленного «*Больная армия: проблемы питания и охраны здоровья в российских вооруженных силах*».

«После распада СССР состояние здоровья российского населения серьезно ухудшилось, причем это характерно для всех категорий. Продолжительность жизни в России значительно меньше, чем в странах Западной Европы. По данным одного из последних исследований здоровья детей, 67% из 31,6 млн. российских детей и подростков младше 18 лет страдают от тех или иных болезней, среди которых наиболее часто встречаются заболевания органов дыхания...

В данном контексте должны рассматриваться и нарушения прав на достаточное питание и охрану здоровья в российских вооруженных силах. Лишения, с которыми сталкиваются многие солдаты-срочники, могут привести к обострению проблем со здоровьем, которые имелись у них на момент призыва...

На медицинских комиссиях не годными к военной службе признаются, как правило, более 30% призывников. Однако, будучи поставленными перед необходимостью выполнить план по призыву, медкомиссии ежегодно признают годными к службе и многих молодых людей с расстройствами здоровья, которые по российскому законодательству имеют право на отсрочку или освобождение от военной службы. В ходе изучения архивов организаций по защите прав военнослужащих в Москве, Санкт-Петербурге, Волгограде и других городах «Хьюман Райтс Вотч» было выявлено множество случаев, когда молодых людей комиссовали со службы по болезням, которыми они страдали еще до призыва. Десятки призывников рассказывали нам, что медицинское обследование, которое они проходили, носило поверхностный характер и что врачи не обращали должного внимания на их проблемы со здоровьем.

Дополнительным фактором негативного воздействия на здоровье является укоренившаяся во многих частях и подразделениях дедовщина. Многие наши собеседники рассказывали, как старослужащие, называемые «деды», систематически издевались над ними в первый год службы, заставляя прислуживать и выполнять унижительные упражнения, а также требовали деньги, выпивку, продукты и сигареты. Неподчинение этим требованиям чревато побоями, которые, по словам большинства наших собеседников, на протяжении всего первого года службы являются обычным делом. Многие также утверждали, что иногда подвергались намного более жестокому обращению или даже пыткам – как в качестве наказания, так и по одной лишь прихоти старослужащих, – в том числе избиванию тяжелыми предметами, избиванию с подвешиванием в болезненной позе, прижиганию сигаретой и сексуальным посягательствам».

3. Доклад: *«Неуставные отношения в российской армии: анализ и пути решения проблемы»* (“*The Wrong of Passage: Inhuman and Degrading Treatment of New Recruits in the Russian Armed Forces*”)

67. В октябре 2004 г. «Хьюман Райтс Вотч» опубликовала доклад, озаглавленный *«Неуставные отношения в российской армии: анализ и пути решения проблемы»* (ч. 16 № 8 (Д)), содержащий документальные доказательства издевательств в рамках системы «дедовщины», что означает «власть дедов», в рамках которой сотни тысяч российских призывников становятся жертвами вопиющего произвола старослужащих. Доклад был основан на трехлетнем исследовании, проведенном в нескольких регионах России, включая Волгоград. Ниже приводятся относящиеся к настоящему делу выдержки из доклада:

«Целая система неуставных отношений, известная в обиходе как «дедовщина», фактически превращает новобранцев в крепостных, которые подвергаются суровым наказаниям за малейшее отступление от устава и неуставных «традиций». Каждый год десятки молодых солдат погибают, тысячи получают тяжелые, а порой и неизлечимые, травмы физического или психического характера. Сотни военнослужащих первого года службы ежегодно совершают самоубийство или пытаются покончить с собой, число самовольно оставивших часть измеряется тысячами. Все это происходит на фоне лишения призывников прав на нормальное питание и охрану здоровья, в результате чего

многие страдают от недоедания или приобретают тяжелые заболевания, – часто в условиях безразличия или произвола со стороны офицеров...

Дедовщина имеет место в воинских частях по всей территории России. В самом общем виде она сводится к неформальной иерархии военнослужащих в зависимости от срока службы, с соответствующим набором прав и обязанностей для каждой категории. Как и в большинстве армий мира, новобранцы первое время не имеют практически никаких прав, которые они еще должны «заслужить». Они «не имеют права» на питание, личную гигиену, отдых и сон, им нельзя болеть и даже вести счет времени. Соответственно, дозволенными считаются любые связанные с этим ограничения. Жизнь «молодого бойца» сводится к услужению тем, кто прослужил уже достаточно долго (обычно это год или больше). Старослужащие, или «деды», имеют над «духами» практически неограниченную власть. Оставаясь вне рамок уставов и других официальных нормативных документов, они могут приказать молодым исполнить любую прихоть, вне зависимости от степени унижительности или абсурдности приказа, а за неподчинение – подвергнуть любому наказанию, вплоть до крайней степени насилия.

Отличительными чертами *дедовщины* являются право силы, насилие и безнаказанность. В первый год службы новобранцы могут в любой момент подвергнуться насилию за невыполнение бесконечных требований старослужащих. У многих исполнение прихотей и приказов «дедов» занимает почти все время от подъема до отбоя: это могут быть как «мелкие» обязанности вроде чистки обуви и заправки кроватей старослужащих, так и более серьезные сервильные повинности: обеспечение старослужащих продуктами питания за счет собственного рациона или добывание для них денег, алкоголя и сигарет (любыми законными и незаконными способами). При этом наказание за невыполнение неуставных требований часто не ограничивается конкретным «провинившимся», а распространяется на весь молодой призыв. Как правило, это происходит после отбоя, когда офицеры уходят. Старослужащие поднимают молодых посреди ночи и заставляют их до изнеможения выполнять отжимания и приседания, иногда одновременно избивая. Военнослужащие первого года службы по ночам также постоянно подвергаются беспричинным издевательствам со стороны пьяных «дедов», вплоть до жестоких побоев и издевательств сексуального характера. Нередко молодых избивают табуретками и дужками от кроватей.

Дедовщина в своих проявлениях во многом сходна с классической системой инициации новичков, и не исключено, что именно из такой системы она и начала развиваться несколько десятилетий назад. Ритуалы посвящения, существующие в самых различных социальных институтах во многих странах (школы, спортклубы и, естественно, вооруженные силы), действительно могут играть определенную позитивную роль в воспитании сплоченности и чувства локтя. В любой замкнутой группе процедура инициации направлена на частичное подавление индивидуальности, причем это почти во всех случаях предполагает унижение достоинства личности.

Не исключено, что в свое время неуставные отношения выполняли функцию инструмента инициации, однако за последние два десятилетия они эволюционировали в самовоспроизводящуюся систему, где старослужащие, сами прошедшие через произвол и жесткость, пользуются неограниченной властью над первогодками. Результатом, соответственно, становится не

укрепление духа боевого братства, а полное беззаконие и вопиющее попрание человеческих прав, причем это уже воспринимается как норма и в солдатской. и в офицерской среде.

Устойчивости неуставных отношений способствует и позиция многих командиров и начальников, которые практически устранились от борьбы с негативными проявлениями. Нами установлено, что подавляющее большинство офицеров либо предпочитают не замечать *дедовщину*, либо мирятся с неуставными отношениями или даже поощряют их как эффективное средство поддержания дисциплины. Результаты наших исследований свидетельствуют о том, что командиры, как правило, не доводят до своих подчиненных понимание недопустимости *дедовщины*, низводят предусмотренные уставами механизмы предупреждения до пустой формальности или вообще игнорируют их, а также не принимают мер в отношении явных проявлений *дедовщины*.

Такое извращенное понимание методов «поддержания дисциплины» чревато подрывом боеспособности российских вооруженных сил. Леденящие душу рассказы о «дедовщине» год за годом заставляют десятки тысяч родителей искать любые способы, чтобы избавить сыновей от военной службы. Поскольку наибольшими возможностями для этого обладают представители состоятельных и образованных слоев общества, призывной контингент все более формируется за счет выходцев из социально отсталых и малообеспеченных групп населения и все большее число новобранцев к моменту призыва страдают от недоедания, заболеваний, алкоголизма или наркозависимости. К тому же, как уже отмечалось, уже после призыва тысячи новобранцев бегут из частей, сотни кончают жизнь самоубийством.

В солдатской среде вырождение уставных взаимоотношений уже лишено всякой, даже извращенной, рациональности: вместо того чтобы превращать новобранцев в настоящих солдат, *деды* используют *дедовщину* в основном как средство получения компенсации за собственные унижения в первый год службы и как инструмент максимальной эксплуатации новобранцев по всем направлениям...

Международно-правовые обязательства обязывают российское правительство незамедлительно принимать меры по пресечению нарушений, связанных с неуставными проявлениями, однако власти пока занимают пассивную позицию. Вместо того чтобы прямо и открыто заявить о недопустимости *дедовщины*, должностные лица, как правило, в многочисленных выступлениях о военной реформе обходят эту проблему молчанием. Правительством до сих пор не разработана четкая комплексная стратегия борьбы с нарушениями. Вместо выяснения причин массовых побегов молодых солдат командиры и начальники привычно грозят им уголовной ответственностью за дезертирство. Офицеры и военные прокуроры систематически покрывают нарушения со стороны старослужащих».

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ ПРИЗЫВА ЗАЯВИТЕЛЯ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ

68. Заявитель подал жалобу о том, что его призыв в вооруженные силы, несмотря на то, что он был тяжело болен, представлял собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение в нарушение ст. 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

A. Доводы сторон

69. Власти представили аргументацию по двум основным позициям. Во-первых, они утверждали, что заявитель не обжаловал решение военкомата Приозерского района о призыве его в армию. В качестве второго аргумента, Власти сослались на результаты экспертизы от 4 мая 2006 г. и утверждали, что органическое заболевание мозга заявителя, диагностированное после того, как он самовольно покинул место прохождения военной службы, «существовало на момент призыва заявителя на военную службу в июне 1999 г.», носило врожденный характер либо было приобретено в детстве. Однако врачи военно-врачебной комиссии, которые осматривали заявителя и признали его годным к военной службе, не имели возможности диагностировать заболевание в отсутствие явных клинических симптомов на момент призыва, при отсутствии жалоб на здоровье со стороны заявителя и ввиду не прохождения впоследствии какого-либо специального медицинского освидетельствования, а также ввиду непредоставления комиссии медицинских документов, подтверждающих наличие заболевания. Власти отметили, что для диагностирования заболевания требовалось специальное стационарное медицинское обследование. Кроме того, ни следственные органы, ни суды не установили того, что военно-врачебная комиссия, давая согласие на призыв заявителя в вооруженные силы, умышленно не приняла во внимание состояние его здоровья.

70. Власти также утверждали: доказательств того, что органы государственной власти явно игнорировали основные принципы гуманности в нарушение ст. 3 Конвенции, не имеется. В частности, Власти обратили внимание Европейского Суда на тот факт, что с декабря 2000 г. по декабрь 2001 г. заявитель получал ежемесячную

пенсию по инвалидности в размере примерно 25 евро. При этом, поскольку заявитель не прошел медико-санитарное обследование, выплаты были прекращены.

71. Заявитель утверждал, что местные власти полностью проигнорировали его историю болезни. Они не учли тот факт, что в 1987 году ему был поставлен диагноз «гипертония». Основываясь на письме из больницы деревни Сосново от 4 декабря 2001 г., он настаивал на том, что военно-врачебная комиссия получила копию его медицинской карты, и, соответственно, должна была знать о том, что ему был поставлен диагноз «гипертония». Кроме того, невзирая на то, что в феврале 1997 г. военно-врачебная комиссия установила, что заявитель страдал от гипотрофии и ему требовалось дополнительное медицинское обследование, но для подтверждения диагноза или определения характера заболевания никаких действий предпринято не было. Он подчеркнул, что его следовало направить в государственное лечебное учреждение для стационарного освидетельствования или лечения в соответствии с требованиями национального законодательства. При этом, поскольку направление на такое освидетельствование в соответствующее учреждение ему вручено не было, у него не было доступа к «медицинским процедурам, направленным на эффективный контроль за состоянием его здоровья».

72. Заявитель также сообщил, что и заключение Научно-исследовательского Психоневрологического Института им. В. М. Бехтерева от 9 ноября 1999 г., и заключение экспертизы от 4 мая 2006 г. подтверждают наличие тяжелого заболевания мозга, которое могло быть обнаружено на этапе призыва в случае проведения освидетельствования в стационаре. Заболевание было основанием для освобождения от военной службы. Заявитель подчеркнул, что Власти этого не оспаривали. По мнению заявителя, военно-врачебная комиссия до момента его призыва должна была провести стационарное медицинское обследование, которое бы позволило окончательно оценить состояние его здоровья. Он указал, что должностные лица медицинских учреждений и воинские должностные лица, которые в 1999 г. вынесли окончательное решение о его годности к военной службе, знали о его неспособности эффективно служить в вооруженных силах. Последствия его службы в армии были предсказуемы как минимум для врачебного персонала, участвующего в принятии решения о его годности к службе. Заявитель отметил, что военная служба обычно сопровождается сложностями физического и психологического характера, с которыми солдаты сталкиваются ежедневно. При том, что военная служба сама по себе не является бесчеловечным или унижающим достоинство обращением, его призыв на военную службу в исключительно плохом состоянии здоровья повлек страдания за пределами тех, что обычно связаны со службой в

армии, в результате чего порог обращения, запрещенного ст. 3 Конвенции, был превышен.

В. Мнение Суда

73. Европейский Суд отвечает на аргумент Властей о том, что заявитель якобы не обжаловал решение от 3 июня 1999 г. о призыве его в армию, а также последующий аргумент об уплате пенсии по инвалидности, вызывающий вопрос о статусе заявителя как жертвы. При том, что аргументация властей вызывает удивление, особенно ввиду постановления Приозерского городского суда об оставлении в силе решения от 3 июня 1999 г. (см. выше п. 37), а также того, что Власти признают, что выплата пенсии была прекращена, Европейский Суд не считает необходимым подробно рассматривать данные аргументы, поскольку в любом случае признает данную жалобу явно необоснованной по изложенным ниже причинам.

1. Установленные факты

74. Во-первых, Европейский Суд считает необходимым еще раз упомянуть факты, связанные с призывом заявителя в вооруженные силы. Европейский Суд отмечает, что данные факты в основном сторонами не оспариваются. Соответственно, Европейский Суд считает установленным, что 12 февраля 1997 г. заявитель был первый раз освидетельствован Военно-врачебной комиссией Приозерского района в целях предварительного определения его способности служить в вооруженных силах. В результате обследования, на основании его непропорционально низкого веса по отношению к росту, ему был поставлен диагноз «гипотрофия неизвестного происхождения», он был признан «временно не годным» к военной службе. Он должен был пройти обследование у эндокринолога (см. п. 8 выше). Несмотря на возражения заявителя, из его медицинской карты, предоставленной в Европейский Суд, следует, что такое обследование было выполнено в течение недели, и заявителю был поставлен диагноз «возрастное диффузное увеличение щитовидной железы». В то же время состояние здоровья заявителя было признано удовлетворительным (см. п. 9 выше).

75. В октябре 1998 г., после того, как заявитель достиг призывного возраста в восемнадцать лет, военно-врачебная комиссия вновь его освидетельствовала, и, установив отсутствие признаков гипотрофии, признала его годным к службе в армии (см. п. 10 выше). Другое медицинское освидетельствование заявителя было проведено в апреле 1999 г. при принятии окончательного решения о его призыве. Заявитель не сообщил о каких-либо жалобах на состояние своего

здоровья и был признан здоровым и годным к призыву в вооруженные силы (см. п. 11 выше).

76. Военная служба заявителя началась 3 июня 1999 г., когда он был направлен в воинскую часть № 22336 в г. Волгограде. Почти пять месяцев спустя он дезертировал из армии и отправился в г. Санкт-Петербург, где обратился в Научно-исследовательский Психоневрологический Институт им. В. М. Бехтерева с заявлением о серьезных проблемах со здоровьем, вызванных плохими условиями его службы в вооруженных силах и множественными случаями ненадлежащего обращения со стороны старших призывников и офицеров (см. п. 15 выше). После медицинского освидетельствования в институте, в ходе которого заявитель прошел ряд комплексных медицинских обследований, ему был поставлен диагноз тяжелого заболевания мозга, вызванного осложнениями внутриутробного развития, нейроинфекциями и детскими черепно-мозговыми травмами. Согласно заключению экспертов, заболевание проявляло себя в виде сильных головных болей, от которых пациент страдал с 1987 г. (см. пп. 6 и 15 выше). В декабре 1999 г. заявитель с согласия Военной прокуратуры Санкт-Петербурга, был осмотрен Военно-врачебной комиссией Окружного военного клинического госпиталя, который подтвердил диагноз и пришел к заключению, что заболевание возникло в течение периода его службы в армии, и что к военной службе он более не годен (см. п. 17 выше). Он был освобожден от службы в армии в связи с плохим состоянием здоровья. В декабре 2000 г. заявитель был зарегистрирован как имеющий третью группу инвалидности.

77. Позднее было проведено два дополнительных медицинских обследования для определения источника заболевания заявителя. В частности, в январе 2001 г. в рамках уголовного дела, возбужденного по его заявлению о ненадлежащем обращении, судебно-медицинская лаборатория Министерства Обороны Российской Федерации выполнила комплексное психологическое и психиатрическое обследование заявителя. Эксперты пришли к заключению о том, что заболевание мозга заявителя, выявленное в ходе предшествующих обследований, было врожденным либо могло возникнуть ввиду осложнений при родах или травм головы в детском возрасте, а также нейроинфекций (см. выше пункт 42). К аналогичным выводам пришли медицинские эксперты в ходе последнего обследования 4 марта 2006 г. (см. выше пункт 53). Эксперты установили, что заболевание развилось до призыва заявителя на военную службу. Кроме того, они пришли к однозначному выводу, что заболевание не имеет явных клинических симптомов, и не сопровождается каким-либо физическим расстройством. Оно проявляет себя в форме головных болей и общего ухудшения физического и ментального состояния, и может быть

выявлено только с помощью специального стационарного медицинского обследования.

2. Общие принципы и их применение в настоящем деле

78. Европейский Суд принимает во внимание жалобу заявителя на то, что военно-медицинские учреждения не диагностировали у него заболевание мозга до того, как он был призван в армию, в результате чего он подвергся тяготам военной службы, что само по себе не возлагает особо тяжелой нагрузки на здоровых призывников, однако в его случае достигло уровня бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, поскольку он был тяжело болен и не пригоден для тягот службы в армии. Соответственно, задачей Европейского Суда является исследование того, являются ли установленные выше факты нарушением гарантии от пыток, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения или наказания, предусмотренной ст. 3 Конвенции.

79. Европейский Суд вновь подчеркивает, что статья 3 Конвенции закрепляет одну из наиболее фундаментальных ценностей демократического общества. Она абсолютно запрещает пытки, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, независимо от обстоятельств и поведения потерпевшего (см., например, дело «*Лабита против Италии*» (*Labita v. Italy*) [БП], жалоба № 26772/95, п. 119, ЕСПЧ 2000-IV). Для того чтобы стать предметом нарушения ст. 3 Конвенции, ненадлежащее обращение должно достичь минимального уровня тяжести. Оценка данного минимума зависит от всех обстоятельств дела, таких, как длительность обращения, его физические и психические последствия, а также, в ряде случаев, от пола, возраста и состояния здоровья потерпевшего (см. дело «*Ирландия против Великобритании*» (*Ireland v. the United Kingdom*), 18 января 1978 г., п. 162, серия А № 25).

80. Согласно установленному подходу Европейского Суда, обращение считается «бесчеловечным», если оно является умышленным, применяется часами без перерыва, и причиняет либо реальный вред здоровью, либо интенсивное физическое или психическое страдание (см. в качестве классического источника практики дело «*Кудла против Польши*» (*Kudła v. Poland*) [БП], жалоба № 30210/96, п. 92, ЕСПЧ 2000-XI, а также дело «*Янков против Болгарии*» (*Yankov v. Bulgaria*), жалоба № 39084/97, п. 104, ЕСПЧ 2003-XII (выдержки)). Обращение считается «унижающим достоинство», если оно было направлено на то, чтобы вызвать у потерпевших чувство страха, мучения или неполноценности, способных опозорить, унижить их достоинство, возможно – сломать физическое или моральное сопротивление (см. дело «*Хуртадо против Швейцарии*» (*Hurtado v. Switzerland*), отчет Комиссии от 8 июля

1993 г., п. 67, серия А № 280), либо когда оно являлось таким, что потерпевший действовал против своей воли или совести (например, см. дело по Греции, цитируемое выше, а также дело «Кинан против Великобритании» (*Keenan v. the United Kingdom*), жалоба № 27229/95, п. 110, ЕСПЧ 2001-III).

81. Европейский Суд неоднократно указывал, что причиненные страдание и унижение должны в любом случае превышать неизбежный элемент страдания или унижения, связанный с соответствующей формой законного обращения или наказания (см. дело Кудла, цитируемое выше, пп. 92-94). Обязательная военная служба часто включает в себя такой элемент (см., *mutatis mutandis*, дело «Энгель и другие против Нидерландов» (*Engel and Others v. the Netherlands*), 8 июня 1976 г., п. 57, серия А № 22).

82. Европейский Суд также отмечает, что уже неоднократно рассматривал особый характер военной службы. В частности, признавалось, что государство несет обязанность по обеспечению того, чтобы лицо несло военную службу в условиях, отвечающих принципу уважения к его человеческому достоинству, чтобы процедуры и методы военного обучения не подвергали его стрессу или страданиям, по интенсивности превышающим неизбежный уровень лишений, свойственных для военной дисциплины, и чтобы, с учетом практических требований такой службы, его здоровье и благополучие были адекватно защищены, помимо прочего, обеспечением его необходимой медицинской помощью (см., *mutatis mutandis*, дело «Килинк и другие против Турции» (*Kilinc and Others v. Turkey*), жалоба № 40145/98, п. 41, 7 июня 2005 г., а также дело «Альварес Рамон против Испании» (*Álvarez Ramón v. Spain*) (пост.), жалоба № 51192/99, 3 июля 2001 г.). Государство несет важнейшую обязанность устанавливать нормы, которые учитывают уровень риска для жизни и здоровья, который может возникнуть не только из самого характера военной службы и деятельности, но также и из человеческого фактора, который играет роль, когда государство решает призвать обычных граждан для службы в вооруженных силах. Такие нормы должны требовать применения реальных мер, направленных на эффективную защиту призывников от опасностей, присущих армейской жизни, и соответствующих процедур для выявления ошибок и недостатков, совершаемых в данном контексте ответственными лицами различных уровней (см. дело Килинк, цитируемое выше, конец п. 41).

83. С учетом вышеизложенного, данная жалоба связана не столько с обязанностью государства обеспечить определенные условия, в которых лицо проходит военную службу, сколько со специфическими обязанностями государства в момент призыва на службу, которая неизбежно подвергает граждан законным страданиям и унижению. В данном случае, настоящее дело допустимо сравнить с делом «Гастан

против Турции» (*Taştan v. Turkey*) (жалоба № 63748/00 от 4 марта 2008 г.), по которому Европейский Суд установил, что призыв заявителя в возрасте семидесяти одного года на военную службу, которая предназначена для существенно более молодых призывников, и его прохождение такой службы являлось для него «весьма болезненным испытанием» и «ущемлением его достоинства». Европейский Суд признал, что заявителю были причинены страдания, по интенсивности превосходящие неизбежный уровень страданий, присущий военной службе, и которые следует относить к унижающему достоинство обращению, нарушающему ст. 3 Конвенции (там же, п.31).

84. Соответственно, первый вопрос, возникающий в рамках настоящей жалобы, это действительно ли призыв тяжело больного заявителя в вооруженные силы подверг его страданиям, которые достигли уровня, предусмотренного ст. 3 Конвенции. В данной связи Европейский Суд отмечает, что власти не оспаривают тот факт, что служба заявителя в вооруженных силах при состоянии здоровья, которое было у него диагностировано в ноябре 1999 г., могла причинить ему боль и страдания, которые достигали уровня тяжести, нарушающего ст. 3 Конвенции. Освобождение заявителя от службы в армии по состоянию здоровья представляется подтверждающим данный вывод. Однако заявитель не утверждал, что в период его военной службы ему когда-либо требовалась срочная медицинская помощь, либо он еще каким-либо образом претерпевал сильную или продолжительную боль, связанную с его заболеванием, либо претерпевал существенный страх по причине осознания им своего состояния здоровья и риска для здоровья, которым он подвергался весь период ввиду характера военной службы (см., *mutatis mutandis*, дело «Сарбан против Молдовы» (*Sarban v. Moldova*), жалоба №3456/05, пп. 86-87, 4 октября 2005 г.), тем не менее, Европейский Суд готов продолжить разбирательство дела, предположив, что страдания, которые мог перенести заявитель, достигли уровня тяжести, запрещенного ст. 3 Конвенции.

85. Необходимо установить, несет ли государство ответственность в рамках ст. 3 Конвенции за обращение, которое претерпел заявитель.

86. Суд вновь отмечает, что обязанность Высоких Договаривающихся Сторон в рамках ст. 1 Конвенции обеспечивать каждому лицу, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, установленные Конвенцией, что вместе с положениями ст. 3 Конвенции требует от государств предпринимать меры, направленные на обеспечение того, чтобы лица под их юрисдикцией не подвергались пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению либо наказанию. Данные меры должны обеспечить эффективную защиту, в частности, таких уязвимых групп лиц, как военнослужащие-

призывники, а также включать в себя разумные меры для предупреждения ненадлежащего обращения, о котором властям известно или должно быть известно (см. дело «Абдулла Йилмаз против Турции» (*Abdullah Yilmaz v. Turkey*), жалоба № 21899/02, пп. 67-72, 17 июня 2008 г., а также, соответственно, дело «Осман против Великобритании» (*Osman v. the United Kingdom*), 28 октября 1998 г., п. 116, *Протоколы постановлений и решений*, 1998-VIII).

87. Суд признает, что по общему правилу именно государство определяет стандарты уровня здоровья и годности к службе потенциальных призывников, с учетом того факта, что роль вооруженных сил в различных государствах является различной. При этом призывники должны быть физически и морально подготовлены к испытаниям, связанным с определенными аспектами армейской жизни, и к особым задачам и обязанностям, характерным для военнослужащих. При том что военная служба для здоровых молодых людей может не представлять никаких затруднений, она может являться тяжелой обузой для лица, которое не располагает необходимой выносливостью и физической силой ввиду плохого состояния своего здоровья. Соответственно, с учетом фактических требований военной службы, государства обязаны ввести эффективную систему медицинского контроля за потенциальными призывниками для обеспечения того, чтобы в период военной службы не рисковать их здоровьем и благополучием и не унижать их человеческое достоинство (см., *mutatis mutandis*, дело Тастан, цитируемое выше, п. 30). Государственные органы, в особенности призывные комиссии и военно-врачебные комиссии, обязаны выполнять свои обязанности таким образом, чтобы лица, которые не подлежат призыву на военную службу по состоянию здоровья, не ставились на воинский учет и, соответственно, не направлялись для прохождения службы в армии.

88. В отношении данного дела Европейский Суд не имеет оснований для вывода о том, что органы власти Российской Федерации при проведении медицинских обследований заявителя, при признании его годным к военной службе, а также, в итоге, при призыве его в армию, халатно исполнили свои обязанности. Европейский Суд не оставляет без внимания тот факт, что до призыва в отношении заявителя группой специалистов в различных областях медицины, чью квалификацию и опыт он не оспаривает, было проведено как минимум три медицинских обследования. Кроме того, обследование эндокринологом было проведено тогда, когда медицинская комиссия была не в состоянии установить причину гипотрофии заявителя. После предварительной оценки его способности служить в вооруженных силах, заявителю была предоставлена отсрочка для улучшения состояния здоровья. Более чем через восемнадцать месяцев, когда

первичный диагноз гипотрофии не подтвердился, Военно-врачебная комиссия Приозерского района признала его годным к военной службе. Кроме того, заявитель был фактически призван в армию не ранее июня 1999 г.

89. Европейский Суд также отмечает, что, как следует из мнений экспертов, органическое заболевание мозга, на основании которого заявитель был освобожден от армии и поставлен на учет как инвалид третьей группы, не имело каких-либо клинических симптомов, и не могло быть выявлено посредством обычного визуального осмотра. Для того чтобы диагностировать заболевание заявителя, потребовались различного рода комплексные медицинские обследования, включая сканирование с помощью МРТ, транскраниальное сканирование аппаратом Допплера, а также ультразвуковое сканирование.

90. При таких обстоятельствах аргументы заявителя не убеждают Европейский Суд в том, что Военно-врачебная комиссия Приозерского района обязана была назначить стационарное медицинское обследование, которое могло бы привести к тому, что заболевание мозга было бы диагностировано у заявителя до его призыва, в результате чего он был бы полностью освобожден от военной службы. Заявитель поддержал свой аргумент ссылкой на свою медицинскую карту, которую, как утверждает, видела районная комиссия. По его мнению, военно-врачебные органы не уделили достаточно внимания его страданиям от головных болей и гипертонии в 1987 г. Однако Европейский Суд испытывает сомнения в том, что история болезни заявителя была доведена до внимания военно-врачебной комиссии. Как следует из решения городского суда от 18 марта 2004 г., медицинская карта заявителя находилась у его матери, которая и не предоставила ее военно-врачебным органам (см. п. 37 выше). Данный вывод не противоречит письму из больницы деревни Сосново, которое было направлено в городской суд 4 декабря 2001 г., и которому заявитель придавал большое значение в качестве поддержки своей аргументации (см. п. 26 выше). Письмо подтверждало, что медицинские карты призывников по общему правилу направляются в призывные комиссии. Однако больница не предоставила доказательств того, что военным властям была реально передана именно история болезни заявителя.

91. В любом случае, вне зависимости от обстоятельств, установленных в предшествующем пункте, Европейский Суд не считает, что страдания заявителя от головных болей и его диагноз «гипертония» за десять лет до его призыва с неизбежностью накладывали на власти обязательство провести в его отношении стационарное обследование, в особенности в отсутствие с его стороны жалоб о состоянии его здоровья, а также в отсутствие каких-либо медицинских данных, подтверждавших, что он продолжал страдать от

данного заболевания, или что после 1987 г. он обращался за медицинской помощью в связи с теми же проблемами со здоровьем. Таким образом, Европейский Суд не имеет возможности признать, что на день призыва заявителя власти Российской Федерации имели достаточные основания полагать, что если призвать заявителя в армию, то ввиду состояния его здоровья для него возникнет реальная опасность подвергнуться обращению, запрещенному ст. 3 Конвенции (см. аналогичную позицию по делу «Икс. против Австрии» (*X. v. Austria*), жалоба №5560/72, решение Комиссии от 18 декабря 1973 г.).

92. Кроме того, оценивая жалобу заявителя, Европейский Суд учитывает поведение российских властей во время прохождения заявителем военной службы, а также после самовольного оставления им части. В частности, Европейский Суд отмечает: заявитель не утверждал того, что в воинской части отсутствовала адекватная система здравоохранения, или же что ему когда-либо отказывали в предоставлении медицинской помощи. Фактически представляется, что заявитель за медицинской помощью не обращался, и никаких жалоб о состоянии своего здоровья во время службы в армии не заявлял. Более того, никаких свидетельств того, что заявитель информировал свое командование о своей невозможности соответствовать требованиям военной службы ввиду состояния своего здоровья, не имеется. Военные власти получили информацию о проблемах заявителя со здоровьем не раньше, чем заявитель самовольно оставил часть и был обследован в Институте им. Бехтерева. В данной связи Европейский Суд учитывает реакцию властей на результаты медицинского обследования заявителя в Институте им. Бехтерева. Заявитель был направлен в военный госпиталь, было проведено медицинское обследование, и он был немедленно освобожден от военной службы после того, как медицинские специалисты подтвердили, что он более не является полностью годным к службе. Европейский Суд также не оставляет без внимания тот факт, что в отношении заявителя не было возбуждено уголовное дело за дезертирство из армии, несмотря на то, что в российском законодательстве предусмотрена уголовная ответственность за такое преступление.

93. В данных обстоятельствах Европейский Суд приходит к выводу о том, что российские власти при оценке годности заявителя к военной службе в достаточно полной степени следовали медицинским стандартам, и, с учетом всех обстоятельств на соответствующий период времени, предприняли все необходимые меры предосторожности для защиты здоровья заявителя, а также для защиты его от обращения, запрещенного ст. 3 Конвенции. Следовательно, данная часть жалобы является явно необоснованной в значении п.3

ст. 35 Конвенции, и, согласно п. 4 ст. 35 Конвенции, подлежит отклонению.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ ПОБОЕВ В АРМИИ

94. Заявитель обратился с жалобой на то, что 5 сентября и 17 октября 1999 г. он подвергся обращению, несовместимому со ст. 3 Конвенции, а власти не осуществили эффективного расследования по указанным фактам, что повлекло нарушение ст. 13 Конвенции. Европейский Суд рассматривает жалобу с точки зрения негативных обязательств государства воздерживаться от определенных действий и позитивных обязательств совершать определенные действия, вытекающие из приведенной выше ст. 3 Конвенции.

А. Доводы сторон

95. Власти утверждали, что заявитель не исчерпал национальные средства правовой защиты, доступные ему согласно ст. 125 УПК Российской Федерации. Они подчеркнули, что он не обжаловал решение от 17 июня 2002 г. в компетентном национальном суде. В качестве альтернативного аргумента власти заявили, что не существовало объективных доказательств в подтверждение того, что заявитель подвергся обращению, нарушающему нормы ст. 3 Конвенции. В частности, заключения медицинских экспертов, включая последнее заключение от 4 мая 2006 г., подтвердили, что заболевание заявителя было либо наследственным, либо приобретенным в детстве. Заболевание не могло возникнуть в результате травм, предположительно причиненных в период его службы в вооруженных силах. В то же время власти признают, что в одном из экспертных заключений, а именно в заключении, подготовленном Военно-врачебной комиссией Окружного военного клинического госпиталя № 442, установлено, что заявитель «приобрел заболевание в течение срока службы в вооруженных силах». Однако Власти на основании п. 46 Положения о военно-врачебной экспертизе предоставили следующую трактовку результатов экспертизы. Власти настаивали на том, что согласно указанному п. 46, военно-врачебная комиссия дает заключение о том, что заболевание возникло в течение срока прохождения военной службы, даже если заболевание имело место до призыва на военную службу, однако было диагностировано в течение срока службы. По мнению Властей, фраза «приобретено в течение срока службы в вооруженных силах» не означает, что гражданин, в данном случае – заявитель, претерпел вред здоровью (или заболел) во время службы в армии.

96. Власти также подчеркнули, что следственные органы предприняли все необходимые меры для того, чтобы проверить утверждения заявителя. Незамедлительно после того, как заявитель обратился в прокуратуру, было возбуждено уголовное дело, и он был обследован в рамках проведения медицинской экспертизы. Заявитель был несколько раз допрошен, были установлены и допрошены все лица, которые, по утверждению заявителя, являлись свидетелями или обладали информацией о предполагаемых избиениях, а также были проведены очные ставки между заявителем, предполагаемыми виновными лицами, и свидетелями. Следователи также обеспечили дополнительное обследование заявителя для того, чтобы устранить различия во мнениях предшествующих экспертных заключений. Был даже проведен следственный эксперимент по предполагаемым избиениям с попыткой реконструировать место предполагаемого преступления и проверить утверждения сторон уголовного дела. Власти также подчеркнули: тот факт, что ряд постановлений о прекращении уголовного дела был отменен, не влияет на вывод о том, что расследование было эффективным, поскольку постановления отменялись в целях максимального обеспечения интересов заявителя.

97. Заявитель сослался на доклады различных международных и национальных неправительственных организаций, включая «Хьюман Райтс Вотч», и утверждал, что вооруженные силы Российской Федерации построены на системе тотального насилия и нарушения прав человека. По утверждению заявителя, большинство российских призывников ежедневно подвергается различным формам пыток, избиений, унижений и нарушений права на здоровье. В дополнение к физическому насилию, у призывников первого года службы отнимаются армейское довольствие, финансовая помощь, присылаемая родственниками, регулярно изымаются или ограничиваются пайки, им не предоставляется медицинская помощь, а также они принуждаются к бесплатной работе. Даются ссылки на существование повсеместной практики физического и психологического насилия над призывниками первого года службы, и заявитель, будучи одним из них, никак не мог избежать аналогичной участи.

98. Заявитель также обратил внимание Европейского Суда на предполагаемые им нарушения при проведении расследования. В частности он отметил, что первое медицинское освидетельствование было проведено более чем через четырнадцать месяцев после возбуждения уголовного дела, а именно 18 января 2001 г. В результате столь существенной задержки эксперты не имели возможности установить какие-либо физические следы побоев. Более того, характер обследования был психологическим и психиатрическим, таким образом, его основной задачей было выявление аномалий в поведении заявителя и его неспособность адекватно контактировать со

следственными органами. Заявитель отметил, что экспертное обследование, проведенное Военно-врачебной комиссией Окружного военного клинического госпиталя № 442, однозначно установило, что состояние его здоровья в ходе его службы в вооруженных силах существенно ухудшилось, а эксперты пришли к заключению о том, что он «приобрел заболевание в течение срока службы в вооруженных силах». Данное заключение было сделано в соответствии с требованиями п. 46 Положения о военно-врачебной экспертизе. При этом заявитель не согласился с интерпретацией фразы «приобрел заболевание в течение срока службы в вооруженных силах», предложенной властями. Он заявил, что заболевание развилось у него именно во время прохождения им военной службы.

99. Заявитель подчеркнул, что следствие не собрало доказательств ненадлежащего обращения, которому он был подвергнут в армии. Он объяснил, что следователи не допросили важных свидетелей. Более того, в результате задержки возбуждения уголовного дела свидетели, которые были в конце концов допрошены, не смогли вспомнить детали событий ненадлежащего обращения, либо вообще не помнили заявителя. Он отметил, что о событиях октября 1999 г. следователи не допрашивали солдата Б. вплоть до 1 июня 2001 г. По мнению заявителя, все перечисленные нарушения и недочеты явно свидетельствовали о безразличии или нежелании следственных органов выяснить, что же в действительности произошло в период его военной службы.

В. Мнение Суда

100. Европейский Суд принимает во внимание аргумент властей о том, что заявитель, не обжаловав в суде постановление от 17 июня 2002 г. о прекращении уголовного дела, не использовал эффективное национальное средство правовой защиты, которое было для него доступным на основании ст. 125 УПК Российской Федерации (см. п. 64 выше). Тем не менее, Европейскому Суду нет необходимости учитывать аргумент о том, что не все средства правовой защиты были исчерпаны, поскольку Суд в любом случае отклоняет настоящую жалобу по следующим причинам.

1. Установление и оценка фактов

101. Европейский Суд вновь отмечает, что 9 ноября 1999 г., после того, как заявитель самовольно оставил воинскую часть, он был обследован в Научно-исследовательском Институте им. Бехтерева на предмет, помимо прочего, его жалоб на избиения 5 сентября и 17 октября 1999 г. Эксперты установили у заявителя органическое заболевание мозга вследствие действия комплекса факторов, включая

детские черепно-мозговые травмы, нейроинфекции и осложнение внутриутробного развития. Диагноз был подтвержден в ходе двух последующих экспертных обследований, выполненных в рамках уголовного дела. Последнее экспертное заключение от 4 мая 2007 г. в вопросе происхождения заболевания заявителя с предшествующими заключениями не расходится.

102. Европейский Суд отмечает, что ни одно из четырех подробных экспертных обследований, включая первое, выполненное гражданским медицинским институтом, не зафиксировало каких-либо физических следов, которые бы возникли в результате того, что заявитель был подвергнут физическому насилию в период его службы в армии. В экспертных заключениях приводится подробное описание проблем заявителя со здоровьем и уделяется большое внимание их причинам, среди которых недавние травмы не упоминаются. При том что Европейский Суд находит достойным сожаления, что ни в одном из экспертных заключений напрямую вопрос связи проблем заявителя со здоровьем и его утверждений о ненадлежащем обращении не рассматривается, достаточно того, что выводы экспертизы никаким образом не подтверждают заявляемую версию о насилии в армии. В данной связи Европейский Суд придает особое значение тому обстоятельству, что заявитель не оспаривал непредвзятость и компетентность медицинских экспертов, которым было поручено проведение экспертиз.

103. При этом Европейский Суд не оставляет без внимания утверждения заявителя о том, что эксперты военного клинического госпиталя, которые осматривали его в декабре 1999 г., частично подтвердили, что акты насилия в армии явились причиной заболевания мозга заявителя. Он подчеркнул, что эксперты пришли к заключению о том, что заболевание возникло в период прохождения им военной службы. При этом Европейский Суд не считает довод заявителя убедительным. Изучив полный текст экспертного заключения от 7 декабря 1999 г. в свете трех других экспертных заключений, Европейский Суд более склонен принять предложенную властями интерпретацию результатов экспертизы исключительно как подтверждение того, что заболевание было диагностировано во время прохождения заявителем военной службы, что делает его не годным для службы в армии. Кроме того, Европейский Суд не может не учесть противоречивый характер утверждений заявителя. Например, заявляя жалобу о том, что он был незаконно призван на военную службу, заявитель не оспаривает, что его заболевание мозга было врожденным либо было им приобретено в раннем детстве и, таким образом, имело место на момент призыва. Данный постулат был им положен в основу его гражданского иска к военным органам власти. При этом в своих отзывах на комментарии Властей по вопросу предполагаемого

ненадлежащего обращения в его отношении во время прохождения им военной службы заявитель утверждал, что его заболевание мозга возникло в результате избиения со стороны капитана Ч. либо старших призывников.

104. На заключение Европейского Суда о том, что заболевание заявителя не было связано с его военной службой, не влияет тот факт, что при вынесении решения по гражданскому иску заявителя национальные суды в значительной степени основывались на экспертном заключении от декабря 1999 г., согласно которому его заболевание было приобретено в период военной службы. В отличие от Европейского Суда, в распоряжении национальных судов не имелось всех четырех экспертных заключений, что позволило бы оценить определенные противоречия в первых двух заключениях. Следует особо отметить, что суды в точности привели отказ заявителя пройти дополнительное экспертное освидетельствование, что повлекло за собой отсутствие экспертного заключения, которое могло бы позволить им сделать обоснованный вывод о причинах возникновения болезни у заявителя.

105. Европейский Суд также отмечает, что представленные Европейскому Суду доказательства, собранные в ходе расследования по утверждениям заявителя о ненадлежащем обращении, также подтверждают ненасильственный характер возникновения заболевания у заявителя. В частности, как следует из показаний бывших сослуживцев заявителя, они не являлись свидетелями совершения в отношении заявителя каких-либо актов насилия. Европейский Суд придает особое значение тому факту, что данные свидетели повторили свои показания и при последующих допросах, а также очных ставках с заявителем, когда они уже более не находились на службе в вооруженных силах. Кроме того, в результате проведения следственного эксперимента события были собраны однозначные свидетельства того, что в изложенных заявителем обстоятельствах нанести ему побои было невозможно. Европейский Суд считает важным, что заявитель не возражал против результатов следственного эксперимента на основании перемещения вещественных доказательств либо их уничтожения, утраты или добавления.

106. Европейский Суд вновь отмечает аргумент заявителя о том, что даже если представленные в Европейский Суд доказательства не подтверждают его утверждения о ненадлежащем обращении, то они подтверждаются тяжелой ситуацией в вооруженных силах Российской Федерации в целом, которая характеризуется повсеместной практикой насилия и нарушения прав человека в отношении призывников первого года службы, что неизбежно подвергало такого рода воздействию в том числе и заявителя. В данной связи Европейский Суд отмечает, что не имеет намерения предавать суду всю российскую

военную систему в целом, но обязан сосредоточить внимание на конкретных фактах данного рассматриваемого дела. С учетом обстоятельств именно данного дела, Европейский Суд не считает доказанным, что заявитель в период прохождения военной службы подвергнулся со стороны офицеров или солдат-сослуживцев обращению, противоречащему ст. 3 Конвенции.

2. Процессуальные обязательства в рамках статьи 3 Конвенции

107. Европейский Суд вновь отмечает, что если лицо заявляет спорное требование о том, что в его отношении совершалось тяжкое ненадлежащее обращение, нарушающее нормы ст. 3 Конвенции, то такие нормы в сочетании с общей обязанностью государства согласно ст. 1 Конвенции «обеспечить каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в ... Конвенции», подразумевают необходимость эффективного государственного расследования. Обязательство по расследованию – это «обязательство не по достижению результата, а по применению мер»: не каждое расследование обязательно должно быть успешным или приводить к результату, который соответствует позиции заявителя, однако, оно в принципе должно иметь возможность привести к установлению фактов по делу, и, если утверждения заявителя подтвердятся, к установлению и наказанию виновных лиц. Таким образом, расследование серьезных обвинений о ненадлежащем обращении должно быть тщательным. Это означает, что власти обязаны в каждом случае предпринимать серьезные усилия для выяснения происшедшего и не должны в качестве оснований к закрытию дела или принятию решений полагаться на поспешные или необоснованные выводы. Они должны предпринять все необходимые и доступные для них меры для обеспечения доказательств, связанных с инцидентом, включая, *inter alia*, показания очевидцев, судебные доказательства и так далее. Любой недостаток следствия, который подрывает возможность установления причины вреда или личностей виновных, может повлечь за собой нарушение настоящих стандартов (в числе многих иных источников, см. дело «Ассенов и другие против Болгарии» (*Assenov and Others v. Bulgaria*), 28 октября 1998 г., пп. 102 и далее, *Протоколы 1998-VIII*).

108. В отношении обстоятельств настоящего дела Европейский Суд полагает, что утверждения заявителя о существующей в российской армии систематической практике физического насилия в отношении призывников первого года службы, зафиксированной известными международными правозащитными организациями (см. выше пп. 65-67), а также его жалобы на тяжкое ненадлежащее обращение в период его военной службы, и наличие экспертного заключения, которое в определенной степени содержит нечеткое заключение о времени

возникновения болезни мозга заявителя, совместно дают почву для обоснованного подозрения, что его заболевание могло возникнуть в результате применения к нему насилия в армии. В данной связи жалоба заявителя является «небезосновательной». Таким образом, власти были обязаны провести эффективное расследование обстоятельств, которые привели к возникновению у заявителя заболевания (см. дело «Крастанов против Болгарии» (*Krastanov v. Bulgaria*), жалоба № 50222/99, п. 58, 30 сентября 2004 г.).

109. В данной связи Европейский Суд отмечает, что следственные органы, которые были поставлены в известность о предположительных фактах избиения заявителя, провели предварительное расследование, уголовное преследование в результате которого осуществлено не было. По мнению Европейского Суда, вопрос заключается не столько в том, было ли проведено расследование, поскольку стороны факт его наличия не оспаривают, сколько было ли оно проведено тщательно, были ли власти намерены установить и привлечь к ответственности виновных лиц, и, соответственно, было ли расследование «эффективным».

110. Таким образом, Европейский Суд в первую очередь оценивает оперативность расследования прокуратуры как степень заинтересованности властей установить и, при необходимости, привлечь к ответственности лиц, ответственных за ненадлежащее обращение с заявителем (см. дело «Селмуни против Франции» (*Selmouni v. France*) [БП], жалоба № 25803/94, пп. 78 и 79, ЕСПЧ 1999-V). В настоящем деле заявитель 12 ноября 1999 г. обращался в органы прокуратуры с жалобой на ненадлежащее обращение (см. выше п. 16). Европейский Суд учитывает тот факт, что прокуратура приступила к расследованию незамедлительно после получения информации о предполагаемых фактах избиений. 15 ноября 1999 г. заявитель был направлен в неврологическое отделение военного госпиталя, где по поручению следственных органов заявитель был подвергнут медицинскому обследованию. После выписки заявителя из госпиталя были предприняты дальнейшие следственные действия. В частности, после получения результатов предварительной проверки по жалобе заявителя на ненадлежащее обращение, 6 марта 2000 г. прокуратура приняла решение о возбуждении уголовного дела. Европейский Суд отмечает, что между выпиской заявителя из госпиталя и постановлением о возбуждении уголовного дела прошло некоторое время, однако, по мнению Суда, следственным органам данное время было необходимо для сбора доказательств и проведения предварительной оценки и определения процессуальной тактики работы по жалобе заявителя. Европейский Суд признает, что даже если следствие проводится оперативно, его различные этапы могут занимать достаточно значительное время, например, для получения

гарантии того, что собранные доказательства являются достаточно качественными для использования в уголовном преследовании предполагаемых виновников преступления, а также для подтверждения либо опровержения утверждений на требуемом для доказательств уровне.

111. В течение месяцев, последовавших за возбуждением уголовного дела, власти предприняли значительные следственные действия, включая допрос заявителя, обвиняемого капитана Ч., а также солдат – сослуживцев заявителя, провели очные ставки для устранения разногласий в описании сторонами событий и получения дополнительных экспертных заключений. Они также провели следственный эксперимент по воссозданию инцидента, который предположительно произошел между заявителем и капитаном Ч., предоставив заявителю возможность участвовать в реконструкции событий на месте предполагаемого инцидента. Кроме того, Европейский Суд не считает, что факт отмены трех постановлений следователей вышестоящим прокурором по причине отдельных процессуальных недостатков является свидетельством неэффективности расследования, поскольку из материалов дела следует, что следственные органы приложили надлежащие усилия для установления обстоятельств произошедших событий и для устранения противоречий в доказательствах. В частности, они последовательно пытались установить и допросить дополнительных свидетелей, которые могли бы пролить свет на рассматриваемые события. Они также дополнительно допросили известных свидетелей с целью устранения или объяснения разногласий, возникших в их предшествующих показаниях. Европейский Суд также учитывает, что задача властей была затруднена тем обстоятельством, что жалобы заявителя относились к двум инцидентам предположительного ненадлежащего обращения с участием офицера и старших призывников. В данной связи, действительно можно сожалеть об определенной задержке перед допросом следователями старших призывников, которые предположительно ненадлежащим образом обращались с заявителем, либо могли быть свидетелями избиений, тем не менее, Европейский Суд считает, что такая задержка не повлияла на эффективность расследования, не привела к утрате возможности сбора доказательств и не воспрепятствовала следствию в установлении основных обстоятельств дела.

112. Европейский Суд также полагает, что с начала расследования власти тщательно оценили находящиеся в их распоряжении медицинские доказательства с целью сделать из них самостоятельные выводы, не принимая на веру версии событий, предложенной обвиняемым. Европейский Суд отмечает, и это не оспаривалось заявителем, что следствие проводилось компетентными,

квалифицированными и беспристрастными специалистами, которые были независимы от потенциальных подозреваемых. Не оспаривалось также, что для полного проведения расследования всех обстоятельств жалоб заявителя следователи имели неограниченный доступ ко всей необходимой информации, документам и лицам, бюджетным ресурсам и техническим средствам. После завершения расследования заявителю было передано мотивированное письменное постановление, в котором были приведены факты и доказательства, а также пояснения, почему следователь вынес постановление о прекращении уголовного дела. Кроме того, проведение расследования было проверено вышестоящим прокурором (см. п. 51 выше).

113. Соответственно, Европейский Суд считает не доказанным, что следственные органы ненадлежащим образом осуществляли поиск доказательств, подтверждающих утверждения заявителя, раскрывающих существование вероятной системы ненадлежащего обращения с солдатами в воинской части, или что они пытались выгораживать подозреваемых. Европейский Суд также признает, что действия властей можно оценить как достаточно оперативные, и осуществлявшиеся с достаточной скоростью. Таким образом, Европейский Суд считает, что расследование на национальном уровне являлось в значении ст. 3 Конвенции эффективным.

3. Итоговые выводы

114. С учетом выводов, изложенных выше в пп. 102-106 и 110-113, Европейский Суд приходит к выводу, что жалоба заявителя по предполагаемым фактам ненадлежащего обращения в армии и их неэффективному расследованию является явно необоснованной в значении п. 3 ст. 35 Конвенции и должна быть отклонена согласно п. 4 ст. 35 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ ДЛИТЕЛЬНОСТИ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

115. Заявитель подал жалобу на длительность гражданского судопроизводства, несовместимую с требованием «разумного срока» разбирательства, установленного в п. 1 ст. 6 Конвенции, который гласит:

«Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях... имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок... судом...»

А. Доводы сторон

116. Власти утверждали, что жалобы заявителя на чрезмерную длительность судопроизводства являлись явно необоснованными. Они подчеркнули, что общая продолжительность процесса имела объективные причины. Неоднократно слушания откладывались по ходатайствам представителя заявителя. Кроме того, неоднократно не являлись ответчики, что вызывало дополнительные задержки в рассмотрении дела. По мнению Властей, национальные суды действовали надлежащим образом и принимали все возможные меры для обеспечения справедливого и тщательного рассмотрения требований заявителя.

117. Заявитель утверждал, что задержки в ходе рассмотрения дела, возникавшие по причине запросов его представителя, были незначительными, в отличие от задержек, вызванных неспособностью национальных судов действовать надлежащим образом, либо неявкой ответчиков на заседание. Заявитель отметил длительные периоды времени между днями, на которые назначались заседания городского суда. Он также обратил внимание Европейского суда на постоянную неспособность городского суда привлечь органы власти к ответственности за медленное представление доказательств по запросам суда, а также предпринять меры для обеспечения присутствия ответчиков на заседаниях. Еще одна задержка была вызвана изменением состава городского суда в связи с назначением нового председательствующего судьи по делу.

В. Мнение Суда

1. Приемлемость

118. Европейский Суд признает, и стороны не оспаривают, что рассматриваемый период начинается 19 января 2000 г., когда заявитель подал иск против военкомата. Окончанием срока считается 2 июня 2004 г., день вынесения Ленинградским областным судом окончательного решения, которым иск был отклонен в полном объеме. Таким образом, дело в двух судебных инстанциях длилось примерно четыре года и четыре месяца.

119. Европейский Суд отмечает, что жалоба не является явно необоснованной в значении п. 3 ст. 35 Конвенции, а также не является неприемлемой по любым иным основаниям. Таким образом, жалоба признается приемлемой.

В. Существо жалобы

120. Европейский Суд вновь отмечает, что обоснованность длительности судебного разбирательства оценивается в свете обстоятельств дела и с учетом следующих критериев: сложности дела, поведения заявителей и соответствующих органов власти, а также значимости спора для заявителей (см. в числе многих иных источников дело «Фридлиндер против Франции» (*Frydlender v. France*) [БП], жалоба № 30979/96, п. 43, ЕСПЧ 2000-VII).

121. Европейский Суд отмечает: стороны не оспаривают, что дело являлось сложным.

122. В отношении поведения заявителя Европейский Суд не соглашается с аргументами властей о том, что заявителя следует осуждать за ходатайства об отложении слушания дела для получения дополнительных доказательств или для изучения доказательств, представленных ответчиками. Последовательный подход Европейского Суда заключается в том, что заявителя недопустимо обвинять в полном использовании предоставляемых национальным законодательством возможностей для защиты своих интересов (см. дело «Скоробогатова против Российской Федерации» (*Skorobogatova v. Russia*), жалоба № 33914/02, п. 47, от 1 декабря 2005 г.). Европейский Суд также признает, а стороны не оспаривают, что одно заседание в течение более четырех лет откладывалось в связи с неявкой представителя заявителя. Вне зависимости от причин такого поведения представителя заявителя Европейский Суд признает, что задержка, вызванная его отсутствием, была в сравнении с общей длительностью разбирательства пренебрежительно мала.

123. С другой стороны, Европейский Суд отмечает, что ответственность за существенные периоды бездействия, по которым власти не представили каких-либо удовлетворительных объяснений, возлагается на национальные органы власти. Районному суду потребовалось шесть месяцев, чтобы назначить дело к слушанию. В качестве примера может послужить период времени примерно в девять месяцев с 19 января 2000 г., когда городской суд получил исковое заявление заявителя, по 4 октября 2000 г., когда председательствующий судья вынес первое решение о принятии дела к рассмотрению (см. выше пп. 20 и 22). Никаких слушаний также не проводилось в течение периода с декабря 2000 г. по 26 сентября 2001 г. (см. выше пп. 23 и 24).

124. Кроме того, Европейский Суд отмечает, что состав городского суда, слушавшего дело, в 2002 году был изменен, что вызвало новую задержку в рассмотрении дела (см. выше п. 30). После смены председательствующего судьи рассмотрение дела было начато заново,

включая назначение новых слушаний, повторное заслушивание сторон и повторное исследование доказательств. В этой связи Суд отметил, что п. 1 ст. 6 Конвенции налагает на Высокие Договаривающиеся Стороны обязанность организовать свои судебные системы таким образом, чтобы суды имели возможность исполнять обязательство о разрешении дел в пределах разумного срока (в числе иных источников, см. дело «Люфлер против Австрии» (*Löffler v. Austria*) (№ 2), жалоба № 72159/01, п. 57, 4 марта 2004 г.). Кроме того, Европейский Суд признает удивительным, что городскому суду потребовалось более года на получение доказательств, в частности, личного дела призванного-заявителя, которое было необходимо для рассмотрения иска (см. выше пп. 22 и 29). Европейский Суд не оставляет без внимания и иные задержки в рассмотрении дела, возникшие в результате аналогичной неспособности городского суда привлечь к ответственности органы государственной власти, ответственные за задержки в предоставлении документов (см. выше п. 26).

125. Европейский Суд также отмечает, что поведение ответчиков, которые являлись государственными должностными лицами, являлось одной из причин затягивания судебного процесса. По мнению Европейского Суда, национальные власти не смогли предпринять адекватных шагов для того, чтобы обеспечить их явку. Ответчики не явились на заседания как минимум пять раз, что повлекло задержку рассмотрения дела примерно на семь месяцев. При том что Европейский Суд учитывает письмо, которое городской суд 13 марта 2003 г. направил ответчикам в связи с их неявкой и предупредил их о последствиях такого поведения, тем не менее Европейский Суд не оставляет без внимания и тот факт, что, невзирая на предупреждение, ответчики на очередное заседание, назначенное на 16 октября 2003 г., не явились. Городской суд в целях предотвращения будущих задержек разбирательства дела не предпринял никаких мер для реализации предупреждения. Таким образом, Европейский Суд считает, что национальные суды не использовали предоставленные им национальным законодательством меры для привлечения участников процесса к ответственности и обеспечения того, чтобы дело было рассмотрено в разумный срок (см. дело «Рыбаков против Российской Федерации» (*Rybakov v. Russia*), жалоба № 14983/04, п. 32, 22 декабря 2005 г.).

126. В заключение Европейский Суд вновь напоминает, что спор по настоящему делу касался компенсации вреда здоровью, предположительно понесенного по причине халатности со стороны государственных органов военного управления и медицинских органов. Европейский Суд напоминает, что характер спора требовал со стороны национальных судов особо внимательного отношения (см.

дело «Марченко против Российской Федерации» (*Marchenko v. Russia*), жалоба №29510/04, п. 40, 5 октября 2006 г.).

127. С учетом общей длительности судебного разбирательства Европейский Суд приходит к заключению о том, что дело заявителя не было рассмотрено в течение разумного времени. Следовательно, имело место нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции.

IV. ПРОЧИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

128. Европейский Суд рассмотрел иные жалобы, поданные заявителем. Однако с учетом всех материалов, находящихся в распоряжении Европейского Суда, и настолько, насколько данные жалобы находятся в его компетенции, Европейский Суд признает, что они не содержат в себе каких-либо признаков нарушения прав и свобод, предусмотренных Конвенцией или Протоколами к Конвенции. Следовательно, данная часть жалобы подлежит отклонению как явно необоснованная, в порядке пп. 3 и 4 ст. 35 Конвенции.

V. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

129. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Европейский Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

130. Заявитель, не сообщая каких-либо дополнительных подробностей и не предоставляя документов в подтверждение своих требований, указал сумму в размере 256 000 руб. в качестве компенсации материального ущерба. Кроме того, он указал сумму в размере 1 320 000 руб. в качестве компенсации морального вреда.

131. Власти утверждали, что требования заявителя запутанны и явно необоснованны. Власти настаивали, что в любом случае, даже если Европейский Суд установит нарушение прав, предусмотренных Конвенцией, заявителю следует присудить «символическую сумму» в размере 1 000 евро.

132. Европейский Суд отмечает, что заявитель не предоставил какого-либо объяснения в отношении суммы компенсации материального ущерба и не предоставил каких-либо документов в ее

обоснование. Соответственно, по данному требованию оснований для присуждения какой-либо суммы не имеется.

133. С другой стороны, Европейский Суд считает, что заявитель пережил стресс, беспокойство и разочарование по причине необоснованного затягивания срока рассмотрения гражданского дела. Основывая свой расчет на принципах справедливости, Европейский Суд присуждает заявителю 2 000 евро в качестве компенсации морального вреда плюс все налоги, которые могут быть начислены на вышеуказанную сумму.

В. Судебные расходы и издержки

134. Заявитель не предъявил никаких требований в отношении возмещения расходов и издержек, понесенных им в связи с рассмотрением дела в национальных судах и в Европейском Суде.

135. Соответственно, Европейский Суд никаких сумм по данному разделу не присуждает.

С. Пеня

136. Европейский Суд полагает целесообразным, чтобы пеня основывалась на предельной процентной ставке по займам Европейского центрального банка плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявил* жалобу в отношении чрезмерной длительности гражданского судопроизводства приемлемой, и остальную часть жалобы – неприемлемой;
2. *Постановил* что имело место нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции;
3. *Постановил*
 - (а) что Государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение трех месяцев с даты, когда постановление станет окончательным в соответствии с п. 2 ст. 44 Конвенции, 2 000 (две тысячи) евро в качестве компенсации морального вреда, данная сумма подлежит конвертации в российские рубли по курсу, применимому на дату выплаты, плюс сумма любого применимого налога;
 - (б) что, по истечении указанного выше трехмесячного периода до даты оплаты, на указанные выше суммы за период неплатежа

должны начисляться простые проценты по предельной процентной ставке по займам Европейского центрального банка плюс три процентных пункта;

4. *Отклонил* остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке с направлением письменного уведомления 11 февраля 2010 г., в соответствии с пп. 2 и 3 правила 77 Регламента Европейского Суда.

Сорен Нильсен
Секретарь Секции Суда

Христос Розакис
Председатель Палаты